

Е 41 494

БЫТ И МОЛОДЕЖЬ

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
А. СЛЕПКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ПРАВДА“ и „БЕДНОТА“
МОСКВА. 1926 г.

55810
8

E41 494

335.4к (47): 33

БЫТ И МОЛОДЕЖЬ

Сборник статей под редакцией

А. Слепкова.

сф. 22/6

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ПРАВДА“ и „БЕДНОТА“
МОСКВА—1926 г.

Типография
Изд-ва „Прав-
да“ и „Беднота“.
Яузский мост,
Серебряннческ.
наб., дом 23 а.
Главлит 527 2.
Тираж 7.000.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 55870 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Новая полоса нашего развития властно поставила вопросы быта в повестку комсомольского дня. Эти вопросы не могли быть поставлены на твердую почву в условиях революционно-насильственной ломки, боевых схваток, походного темпа жизни, характерных для эпохи военного коммунизма. Сейчас, в эпоху «культурной революции», впервые подводится фундамент под новый социалистический тип общественных отношений; и, именно, в рамках этих новых общественных отношений формируется и крепнет новый быт.

Нам привелось недавно познакомиться с особой платформой нелегальных «революционеров быта», разославших по детским домам крупнейшего промышленного и политического центра свои тезисы, в которых авторы развернули—полуграмотно и довольно сумбурно—вреднейшую программу бытовой «революции».

Новые «пророки» утверждают, прежде всего, что партия, да в значительной мере и комсомол, активно участвующие в политической жизни советской страны, потеряли свою классово-пролетарскую девственность и соскользнули с почвы коммунизма. Систематическое соприкосновение пролетарской партии в повседневной политической работе с буржуазными и мелко-буржуазными элементами—по мнению этих новосортных меньшевиков—привело к перерождению партии и ко все усиливающемуся влиянию в ней непролетарских социальных сил; комсомол подвергся меньшему разложению; наиболее же коммунистическими по своему существу, с точки зрения прожекторов, являются организации детей (пионер-организации, интернаты, школьные организации).

Здесь нет необходимости доказывать, что политический смысл данной платформы заключается в стремлении оторвать третье поколение трудящихся от влияния партии и комсомола. Зато интересен вопрос, какова же положительная программа «обновителей», каков их основной действенный лозунг.

Оказывается, «избавители» предлагают молодежи, вообще, и более маловозрастным ее пластам, в частности и в особенности—

занияться исключительно организацией нового «быта», освобожденного, дескать, от поверхностного налета политики и разлагающего содействия общественно-политической борьбы. Эта программа, несомненно, является программой мещанской контр-революции; а «новый быт» молодых меньшевиков—стоячим мещанским болотом. Комсомол твердо помнит, что организация нового быта теснейшим образом связана с экономической и политической борьбой пролетариата и трудящегося крестьянства.

Комсомол знает, что нового быта не может быть без упрочения социалистических общественных отношений; что улучшение быта есть оборотная сторона экономических и политических успехов диктатуры пролетариата. Групповой, семейный и личный быт пролетарского революционера крепчайшими нитями связан с его деятельностью представителя и члена рабочего класса.

Если бы мы хотели коротко ответить на вопрос о том, что является определяющим началом в нашей борьбе за новый быт, то мы сказали бы, что нашим новым бытом является такой быт, который воспитывает здорового, энергичного, культурного и преданного социализму общественного работника, а не мещанского ублюдка, идейного и морального рахитика.

Однако, молодежь, на плечи которой ложится основная тяжесть по созданию новых бытовых форм, должна понимать всю сложность и трудность стоящих перед ней в этой области задач.

Едва ли можно сомневаться в том, что в разрешении этих вопросов выявятся и «левые» и «правые» уклоны.

Некоторые товарищи не учтут в достаточной мере буржуазного наследства и будут отрицать возможность и необходимость критического усвоения отдельных элементов буржуазной культуры в процессе строительства нашего нового быта.

Тов. Сосновский дает в своей статье критику именно этого уклона; последнему посвящен и ряд других статей. «Левые» не хотят соразмерить теоретических перспектив с возможностями дня.

Этой стороне дела посвящена и статья тов. Смилович и др., затрагивающих вопрос об отношении к семье в переходный от капитализма к социализму период.

Но правильное решение бытовых вопросов предполагает и жестокую борьбу с мещанством. Последнее имеет место в быту партийных товарищей. Здесь перед нами «правый» уклон, мотивируемый самыми различными способами.

«Настоящий сборник в своем роде является первым сборником проблемных статей о быте, этим характером первого сборника определяются, в основном, и его достоинства и его недостатки.

Нам представляется все же, что потребность в такого рода литературной пище в кругах молодежи достаточно сильна и в первую голову, поэтому, мы считаем настоящее издание оправданным.

А. Слепков.

Р. С. Почти все статьи взяты из «Комсомольской Правды», за исключением нескольких (напр., ст. т. Сосновского), которые перепечатаны из «Правды».

За упорядочение быта молодежи.

В своей замечательной статье «О кооперации» тов. Ленин говорит, что теперь изменился «коренным образом наш взгляд на социализм». От работы боевой и разрушительной мы перешли к «мирно-организаторской» работе. Эту мирно-организаторскую работу тов. Ленин предлагает углубить и расширить настолько, чтобы произошла у нас целая «культурная революция».

Что значит культурная революция? Это значит такой переворот в свойствах людей, в их жизненных привычках, в их чувствах и желаниях, в способе их жизни, в их быту,—такой переворот, который делает из них новых людей.

Очень часто мы, однако, не замечаем, что для строительства новой жизни действительно нужно коренным образом изменить наши представления о целом ряде вещей.

Возьмем, например, область производства. Раньше, при капиталистическом обществе, хороший рабочий, хороший член партии был вовсе не «старательный рабочий». Добро, ведь, все было «ихнее», «хозяйское». Революционный пролетарий вовсе не хвастался тем, что он столько-то и столько-то вырабатывает. Он, наоборот, гордился тем, что провел стачку, здесь или там «утер нос» хозяину или мастеру и т. д. Рабочие, много и хорошо работавшие, слыли «подлизами» или «шкурниками», за грош продававшими хозяину душу и тело.

После захвата власти такая психология, такие взгляды из революционных становятся реакционными, из условно-полезных в безусловно-вредные. Теперь мы с полным правом можем называть шкурниками всякого лодыря, нерадивого, неряшливого работника. «Какой же он работник?»—это должно звучать укором и презрением.

Все это весьма понятно. Ведь оценка человеческих свойств тоже меняется в зависимости от эпохи, от ее задач, от ее основных черт.

А между тем, часто бывает, что старая точка зрения держит за фалды, мешает, путает карты, производит в головах сумбур.

Часто бывает, что люди продолжают хвастаться и гордиться, кичиться и чваниться старьем, не замечая, как они смешны и глупы в своем хвастовстве.

Такая история, к сожалению, очень и очень часто происходит с нашей молодежью. И «Комсомольская Правда» должна повести с этим прямую, систематическую, изо-дня в день идущую борьбу.

Мы хотим здесь показать, как наша молодежь иногда, сама того не замечая, находится в вавилонском пленении у устаревших взглядов, у устаревших представлений, и как это пленение вредно отражается на нашей работе, мешает «культурной революции», задерживает и тормозит наше строительство.

Если мы возьмем «передовую» литературу старого времени, то она, естественно, была преисполнена протеста против всего старого строя жизни, против всего ее «порядка», против всех установленных «законов и обычаев». Кто считался самым ненавистным, пошлым типом? Тот, кто жил строго размеренной жизнью, кто упорядочивал свою жизнь, кто помаленьку и потихоньку клал кирпичики и-кирпичики в здание тогдашнего строя: строя экономического, политического, морального, идеологического вообще. Кто считался героем тогдашней передовой литературы? Тот, кто выходил из рамок и «пазов» тогдашней жизни. Пусть он был безалаберным: это—протест. Пусть он самым странным образом выражал этот протест—все равно: объективно это означало итти вразрез с проклятым, не нашим, «ихним» строем.

Правда; рабочие не нуждались и тогда в подобных вывихах. Они были заняты планомерной и систематической подготовкой революции. Они требовали жестокой дисциплины в своих рядах. Но и они сочувствовали всякому нарушению «обычного». На такой литературе, на таких чувствах воспитывалась и вся молодежь. «Протест» выражался в самых разнообразных формах: запрещено было курить—поэтому курили; заставляли носить форму—поэтому ее не носили; проповедывали (власть имущие и их идеологи) порядок, «нормы» и т. д.—поэтому ценили, хвалили, воспевали, культивировали (растили и холили) такие привычки и нравы, которые шли вразрез с установившимися привычками и нравами.

В общей сложности все это было средством разложения старого порядка. Но вот старый порядок сметен. Новое наступило. Наша страна сейчас не хозяйская. А есть люди, есть молодежь (и очень, очень много таких), которые продолжают тя-

путь старую песню, думая, что это-то и есть самое революционное, достойное похвалы. А на деле выходит: круглые дураки такие ребята.

Вот слышали вузовцы, что старые революционные студенты считали замечательно храбрым войти в аудиторию в шапках и там закурить. И продолжают посейчас: лихо заломленные фуражки, облака дыма, грязь и копоть. Портят воздух, портят самих себя, мешают жить друг другу, гадят свое собственное добро. А, ведь, воображают, что это—«стиль новой жизни». Стиль новой жизни, однако, это—выметать грязь, а не растить ее, да при этом в своих собственных карманах.

Слышали, например, некоторые наши юноши и девушки, что весьма революционным считалось плевать на всяческие и все стеснения в области половых отношений. Тогда это был резкий протест против слепых предрассудков общества, против гнусных законов, так-называемого, «семейного права», против принижения женщины. Теперь эти законы давно сметены. Но люди не понимают этого и попрежнему считают, что максимум неурегулированности—самый святой закон. Не важно, что у нас нет для многого материальных условий. Не важно, что будут страдать молодые матери, а девушки должны себя систематически калечить. Не важно, что из детей получаются уродцы. Да здравствует полная неурегулированность, полная стихийная «беззаботность».

А на деле выходит: портят жизнь себе, другому, новому поколению. Старое слово повторяют при новых условиях. Не понимают, что не в абстрактной постной морали здесь дело, а в том, что даже, так-называемые, «ясли» у нас еще больше на бумаге и что с этими вещами нужно считаться. Не строят нозов, а разрушают его зародыши. А гордости (гордости неведения и «святой» глупости)—хоть отбавляй.

Слышали люди «звон», что очень героично вообще вести бес-
 юрядочную, необычную, «оригинальную» жизнь. И во всем стараются поддержать честь и славу этого знамени. А не замечают, что воспевают старый хлам, что являются старьевщиками и мусорщиками «при старом дворе», а не строителями нового, поскольку так рассуждают и так себя ведут.

Передовая молодежь города и деревни должна начать борьбу с этими остатками старого. Она должна начать решительную борьбу за упорядочение быта, за «культурную революцию», за новые привычки, за новые черты и свойства молодого поколения, за новый

тип здорового, веселого, жизнерадостного, но в то же время в высшей степени делового, активного, умеющего работать, умеющего распределять свое время человека.

Нужно объявить беспощадную войну пропагандистам «богемских» нравов и хвастунишкам, которые «все» знают и ничего не знают, всем готовы командовать и ничего не умеют сделать сами, этим «аристократам духа», метящим в герои, но не имеющим за душой ломаного гроша (а такие разводятся среди нашей молодежи). Не такие люди нужны нашей эпохе. Будем лучше брать пример с Ленина, великого вождя и не менее великого человека: он, ведь, мог сделать так много потому, что умел работать и имел громадное чувство ответственности перед классом, за дело которого он отдал свою жизнь.

Строительство нового общества требует пролетарской дисциплины, а не интеллигентской или мелкобуржуазной расхлябанности и беспорядочности. Эта дисциплина—не палочная дисциплина, а высшее выражение самовоспитания—должна проникать собою все поры нашей жизни. На основе этой дисциплины, объективно пужной именно для нашего времени, складываются наши успехи. «Нам нужны не истерические порывы, а мерная поступь железных батальонов пролетариата».

Н. Бухарин.

О культуре и мещанстве.

Для начала приведу небольшой отрывок из Салтыкова-Щедрина, а именно из разговора «Мальчика в штанах и мальчика без штанов».

Мальчик без штанов: ...правда ли, что у вашего царя такие губернии есть, в которых яблоки и вишеные по дорогам растут и прохожие не рвут их?

Мальчик в штанах: Здесь, под Бромбергом, этого нет, но матушка моя, которая родом из-под Вюрцбурга, сказывала, что в тамошней стороне все дороги обсажены плодовыми деревьями...

Мальчик без штанов: Да неужто деревья по дороге растут, и так-таки никто даже яблочка не сорвет?

Мальчик в штанах (изумленно): Но кто же имеет право сорвать вещь, которая не принадлежит ему в собственность?!

Мальчик без штанов: Ну, у нас, брат, не так. У нас бы не только яблоки с'ели, а и ветки-то бы все обломали. У нас на-меднись дядя Софрон мимо кружки с керосином шел—и тот весь выпил!

С того времени, как это было написано великим писателем, прошло уже около 50 лет, а вопросы, поднятые им, остаются совершенно свежими, насущными.

В Германию приехала украинская команда футболистов. В нескольких городах она имела состязания с германскими рабочими-футболистами. Вместе с украинскими футболистами в Германию поехал популярный украинский журналист, тов. Аграновский. Его очерки о поездке, напечатанные в харьковских газетах, в высшей степени интересны. Но с особенным, прямо исключительным интересом читал я его последнюю статью в харьковском «Пролетарии» от 11 октября с. г. Статья называется «О немецкой культуре». Слово культура взято автором в кавычки. Тов. Аграновский, совершенно не думая о том, бессознательно продолжил щедринский разговор мальчика в штанах с русским мальчиком без штанов. Но то, что у Щедрина изображено в качестве сна, здесь фигурирует как подлинная явь, как запротоколенная действительность.

У Щедрина русский мальчик выражает изумление, что немецкий его сверстник носит штаны. Немецкий же мальчик, наоборот, удивляется, как это может мальчик ходить без штанов.

У Аграновского дело происходит так. В немецкой пивной за кружкой пива встретились советские футболисты с группой немецких рабочих, социал-демократов. Вдруг немец задает вопрос: почему русские сидят в фуражках? Наши украинцы обиделись:

— «Да, немцы—народ культурный,—говорим мы,—в ресторанах сидят без фуражек. А мы, русские, не учены»...

И дальше ядовитая шпилька насчет того, что хотя в России даже в «рабочем парламенте» некоторые в фуражках сидят, зато власть принадлежит рабочим и крестьянам.

«Немцам неловко».

Ну, еще бы... Они спросили так себе, из любопытства, даже не думая уколоть собеседников своим «превосходством». А наши голубчики сейчас же их шпилькой. Мы-де хоть не учены против вас, зато власть завоевали. На-ко, выкуси!..

Наши ребята даже и не почувствовали, что тут они проявили себя не очень корректно. Но дальше они пошли по стопам щедринского бесштанного мальчика:

— «Правда ли, что рабочие в Германии раз в неделю мясо едят?

— Правда.

— А почему у всех костюмчики новенькие, раз кушать нечего?

— А в чем же в воскресенье гулять ходить?—отвечают не задумавшись.

Вот... Хваленая немецкая культура: голодать, но в воскресенье принарядиться.

— А мы, когда революцию защищали,—вмешивается товарищ,—без штанов воевали»...

Я несколько раз прочел этот отрывок в статье Аграновского. У меня получилось такое впечатление, что украинские футболисты именно бесштанности русской приписывают главную роль в победах революции. Залог нашей победы—в бесштанности. Не приведи бог, если бы воевать пришлось при наличии крепких хороших штанов—пропала бы революция. Так ли я понял тов. Аграновского или того советского футболиста, чью речь он записал? И не понял ли так же отрицательную роль штанов в пролетарской революции немецкий рабочий? Ведь он впервые лицом к лицу столкнулся с жи-

выми русскими большевиками. И вот ему, страстно желающему понять, почему большевики победили, преподносится бесытанная философия победы.

Нет, дорогие друзья, немцу нужно было рассказать иначе. У нас часто не хватало штанов и сапог, и поэтому нас часто и жестоко били. Еще хорошо, что и сам противник наш на многих фронтах не очень сильно превосходил нас амуницией. А то бы нам худо было. И все усилия советской власти за время гражданской войны были направлены к тому, чтобы во что бы то ни стало одеть и обуть армию, хотя бы ценою временного обездоления гражданского населения. С каждым месяцем гражданской войны и армии, и советская власть все острее и острее осознавали значение правильного снабжения бойцов. Гордиться бесытанным способом ведения войны совершенно не следует. И селать неправильные представления о трудностях революции за границей тоже не следует. Без штанов, как и без сапог, революция не победит.

А так как в грядущей революции германский пролетариат будет против себя иметь не колчаковский пестрый сброд, а отряды имущих классов при поддержке антантовских войск, прекрасно вооруженных и снабженных, то странно уверять его, что революция и без штанов может победить.

Но это дела военные. Мы упустили штатскую часть. Выше был произнесен приговор над «хваленой немецкой культурой» за то, что немец, даже голодая, желает в воскресенье принарядиться. Напрасно тов. Аграновский думает, что воскресный наряд есть единственное преступление «хваленой немецкой культуры». Немец (даже при одном мясном обеде в неделю) все-таки продолжает и мыться почаще и почище нашего, небось и зубы чистит, и спит на лростыне, и не хлебает суп из одной миски по 10 душ. При входе в чужую квартиру предварительно постучит в дверь. Даже голодая, он обязательно читает каждый день хоть одну газету. Да мало ли чем еще грешна «хваленая немецкая культура»! Кстати, в той же статье тов. Аграновского мы находим еще одну улику против «хваленой немецкой культуры»:

«Вспоминаю другой случай. Жил я в Хемнице, в гостинице, с одним немцем спортсменом, общественным работником. Заходит к нам в комнату товарищ харьковец. От нечего делать начинает примерять у зеркала галстук немца. Тот в недоумении. Несколько секунд молчит, а затем вдруг вскакивает:

— Скажи ему, что это мой воскресный галстук, и он стоит 1 марку 50 пфеннигов (около 70 коп.).

Я его успокаиваю: товарищ галстука не заберет, он только примеряет.

— Но кто его будет гладить?—недовольно спрашивает немец.

Ответа не приведено. Очевидно, гладить будет сам немец, носитель культуры «хваленой». А носитель культуры не «хваленой», культуры без кавычек, харьковский футболист, ограничился тем, что измял галстук немца. Да и сделал он это «от нечего делать». Ему непонятно раздражение немца. Ведь он не заберет галстука, он только примеряет, то-есть мнет и пачкает («от нечего делать») единственный праздничный галстук немца, купленный за 70 копеек с ущербом для питания. Так вот, урвать у себя какой-нибудь кусок и купить новый галстук—это культура в кавычках («хваленая немецкая культура»). А от нечего делать напяливать на себя чужой галстук, не спросив у товарища, не считаясь с тем, приятно ли ему это, не придется ли ему потом гладить утюгом свой праздничный галстук,—это якобы культура настоящая, пролетарская или революционная, что ли.

У нас, в СССР, немцу бы еще вдобавок сквозь зубы процедили:

— Мещанство!!

Работница-рабфаковка, жившая когда-то за границей и кое-что там позаимствовавшая по части «хваленой культуры», протестует, когда на ее постель садятся, да еще в верхнем платье, да еще иногда с сапожищами. Ее награждают за это тем же убийственным словом: «мещанство»!

Одна рабфаковка одалживает у другой блузку, чтобы пойти куда-то на вечер. Берет блузку чистую, а возвращает грязную. На выражение неудовольствия тот же отклик: «мещанство»!

Молодому сверхчеловеку, с длинными волосьями, замечают, что следовало бы постучать, прежде чем входить в комнату. Он пропускает замечание мимо ушей и бормочет: «мещанство»!

Вообще проявлять уважение к правам и вкусам другой личности, считаться с ее желаниями—«мещанство»!

Сколько прощальг, проходимцев и пошляков, вооруженных этим великолепным словечком—«мещанство»—мнут и тспчут не только галстуки и блузки, но и человеческие жизни более застенчивых, более совестливых, более наивных, доверчивых и пуще всего боящихся обвинения в мещанстве. Соберите вокруг себя в любом вузе, рабфаке десяток юношей и девушек и вы услышите, на-

сколько употребительно и в каких разнообразных формах и оттенках слово «мещанство». Если девушка колеблется отдать себя в распоряжение некоего ухажера, если она не позволяет «лапать» себя (это делается в порядке «чисто-товарищеского обращения»), ее клеймят тем же словечком. Да всех комбинаций и не перечтешь. Мещанство! Ведь это же ужасно! Приехать из Пошехонья в Москву и быть избалованной в мещанстве! Пусть лапают и мнут не только галстук и блузку...

Мы касаемся такого элементарного с виду вопроса, такого бесспорно ясного, что казалось бы, не стоит об этом и говорить. А между тем, нужно говорить, а может быть и кричать. Ибо нельзя строить высшего по типу человеческого общежития, если не усвоены некоторые минимальные элементарные правила общежития из настоящего и даже прошлого.

Маленькая картинка из недавнего прошлого. Кажется в 1920 году в гор. Екатеринбурге (ныне Свердловске) открывали великолепно отделанный дом для съездов и собраний. Чего только не видел до того этот дом! И клуб «коммерческого собрания» до войны, и казарма, и тифозный барак, и даже тюрьма (при Колчаке). Теперь это чудесный дом. После вшиво-холодного периода было как-то странно, придя на собрание, снять в под'езде пальто и калоши, безбоязненно вручить их швейцару и налегке входить в зал заседаний. Как-то странно было видеть на каждом шагу пепельницы и плевательницы, логично дополняющие призывы «не плевать на пол и не бросать окурки». И вот в этом чудесном и изумительно чистом доме я был свидетелем такой сцены. В одной из зал происходил съезд промышленных наших деятелей—партийцев и спесов. За столом президиума делает доклад председательствующий. Это—рабочий-большевик, один из тогдашних руководителей уральской промышленности, да и ныне занимающий весьма крупный хозяйственный пост. Присутствующий в зале сторож заметил, что оратор часто во время речи откашливается и сплевывает на пол. Сторож вскоре на цыпочках поднес к столу две плевательницы и поставил их по обе стороны оратора. Последний, конечно, и не заметил перемены. И, только задев нечаянно ногой одну из плевательниц, он как-то на полминуты прервал речь, посмотрел на плевательницы и... продолжал плевать прямо на пол. Ведь в плевательницу-то пришлось бы, пожалуй, целиться, а это отвлекает внимание от доклада. На пол же можно плюнуть, не целясь и не отвлекая драгоценного внимания. Я стоял рядом со сторожем и видел, что

каждый плевок оратора он воспринимает как удар и оскорбление. Но сторож—маленький человек, а докладчик был большой человек. Так и прошла эта сценка незамеченной.

Плевое дело—плевательница, но и к ней, оказывается, нужно еще привыкать. А вот немцы привыкли. И нельзя сказать, что это плохо, что привычка к пользованию плевательницей есть «хваленая немецкая культура», а свобода от плевательницы есть истинная культура.

Еще пример. Когда я попал эмигрантом в Париж, меня ужасно поразило, что по утрам почти у каждой двери на лестнице большого дома стоят бутылки с молоком, свертки с свежими булками. Сбегая с верхнего этажа вниз мимо соблазнительных продуктов, я все поражаюсь: неужто так-таки никто и не крадет оставленных без присмотра продуктов? Удивительные нравы!

После в Швейцарии меня не меньше поражало, что хозяйка загородного домика оставляла на дворе на ночь развешанное для просушки белье, тогда как и забора-то настоящего не было—так себе, палисадник маленький.

Наконец, недавно я просматривал отчет экспедиции Наркомзема, ездившей в Данию для ознакомления с сельским хозяйством. И вот какой факт меня поразило больше всего. Молоко из крестьянского хозяйства на кооперативный завод попадает следующим образом. Рано утром, подоив коров, крестьянин наполняет бидон и выносит его на шоссе, где и оставляет. Через некоторое время по шоссе проезжает экипаж или автомобиль из кооператива и забирает бидоны с молоком. Вот эта картина шоссе, усеянного бидонами с молоком, которые оставлены без присмотра, поразила мое воображение.

Я вспомнил бессмертного Щедрина: «а у нас намерднись дядя Софрон мимо кружки с керосином (вероятно, чужой? Л. С.) шел—и тот весь выпил!»

Вот я бы и хотел знать, «хваленая» или не хваленая эта культура, когда крестьянин может безбоязненно оставить на большой дороге бидон с молоком, или это простое мещанство, завидовать которому не приходится. Конечно, у нас в подавляющем большинстве деревень еще нет молока, которое надо отправлять на кооперативный завод, ни кооперативного завода, ни даже шоссе, по которому надо молоко возить. Поэтому и опасности для бидонов еще нет. Но скоро и молоко, и бидоны, и артели, и шоссе появятся. Вот тут-то и вопрос о культуре будет очередным.

Но и сейчас он не будет праздным. Мещанство или не мещанство, но ведь вопрос об обысках на фабриках и заводах последнее время не сходит с газетных страниц. Фабричное воровство объясняется разными причинами, в том числе материальными. Но не последнее место в этом явлении занимает и то обстоятельство, что в массе еще не сложился новый взгляд на эти вещи, не выработалось крепкое общественное мнение, осуждающее воровство категорически. Красть опасно. Красть часто затруднительно. Это знают и ощущают все. А вот, что красть у рабоче-крестьянского государства позорно,—это еще в неписанный кодекс общественного мнения массы крепко не вошло.

А это и есть частица культуры, которая нам необходима на нынешний переходный период. Впоследствии, конечно, даже и вопроса такого не будет, как фабричная кража и фабричные обыски.

То же и с качеством работы. Не только браковкой или изменением оплаты следует улучшать качество изделия, но и созданием определенного общественного мнения. Прочтите прекрасную книжку Н. К. Крупской «Воспоминания» (изд. «Прожектора»). Там на стр. 18 рассказывается, как Владимир Ильич подбирал материал для печатной агитации среди рабочих Питера в 90-х годах. Ему рассказывают, как жестоко штрафуют рабочих на сапожной фабрике:

— За все штраф. Каблук на сторону поставишь—сейчас штраф. Владимир Ильич рассмеялся. «Ну, если каблук на сторону посадил, так штраф, пожалуй, и за дело».

Вон еще когда у Ильича было крепко отношение к добросовестной работе. Тем более теперь, после свержения буржуазии, нужно не только правилами, инструкциями и расценками, но и давлением общественного мнения самой рабочей массы влиять на добросовестную работу. Это—тоже культура, которой нам не хватает.

Короче сказать, пора более внимательно отнестись к понятию «культура» и усвоить себе, чем мы бедны в этой области. Тут надо продумать, как широко понимал Ильич слово «культура».

И в особенности надо помнить его предостережение: не зазнаваться.

Тов. Аграновский—один из наиболее чутких и боевых советских журналистов. Но этот галстук, который «от нечего делать» измял у немца наш украинец, и утешение тов. Аграновского: «он ведь не заберет галстука» (еще этого не доставало!), его пренебрежительное отношение к неудовольствию немецкого товарища,

его попустительское отношение к похвальбе украинца («воевали без штанов»), его пренебрежительное отношение к «хваленной немецкой культуре» вообще—заставили меня взяться за эту тему. При всей чуткости и вдумчивости т. Аграновского, он в этом вопросе не проявил свойственной ему осторожности. Поэтому мне хочется закончить статью предложением. Не возьмется ли наши клубы за проработку темы о культуре и мещанстве. Можно бы взять за исходный материал прекрасные страницы Щедрина, и именно разговор «Мальчика в штанах и мальчика без штанов». Введение опытного руководителя и некоторые разъяснения о спорах западников с славянофилами помогли бы отделить устаревшее от злободневного.

Тема о культуре и мещанстве еще долго будет волновать передовых рабочих, особенно молодежь. Уйти от нее нельзя.

Л. Сосновский.

О борьбе с пьянством.

У некоторых товарищей появление в открытой продаже 40 и 30-градусной водки вызывает недоумение и растерянность: как это случилось, что Советская власть разрешила открытую продажу водки? Эти люди делают вид, что до сих пор, до этого разрешения, господствовала трезвость, а теперь пошло пьянство.

Что появление водки кой-кого соблазнило, что на первых порах было немало пьяных на улице в городах, это, конечно, верно; но верно и то, что это увлечение быстро прошло и пройдет. Но верно ли, что это увеличивает вообще пьянство в стране?

Советская власть боролась против пьянства, она борется и теперь и будет бороться против него. Но как бороться с этим общественным злом? Вот в этом весь вопрос. Кто не знает, что самогонование стало общераспространенным? Близкий мне товарищ, член ЦКК, сам рабочий-портной из крестьян, ездил недавно в свою деревню Тульской губернии. Так вот он в своей родной деревне почти ни одного двора не нашел, где бы не варили самогон. В церковные праздники, как и встарь, во многих селах и деревнях крестьяне перепиваются и дерутся; дело доходит иногда до убийств.

Тут могут сказать и справедливо указать, что для того, чтобы отвлечь население от водки, нужна большая культурная работа, нужна коренная перемена в условиях жизни трудового населения. Это верно,—нужно. А до тех пор, пока этого нет,—как быть? Ведь коренная перемена условий жизни рабочего класса и крестьянства, создание совершенно нового культурного человека—дело не одного года и не одного десятилетия—даже,—это дело целого поколения, по крайней мере. И, если кто и делал что-нибудь в смысле коренного изменения условий жизни рабочего класса и крестьянства, то это делала и делает Советская власть.

Впервые за все время рабочий класс и крестьянство нашей страны получили возможность начать коренную перестройку всей

своей жизни, но проклятое наследие прошлого цепко держит их в своих руках. И, несмотря на все преследования самогонщиков, самогонование не уменьшалось, а увеличивалось с каждым днем и вместе с самогоном поглощались самые вредные для человеческого организма вещества; крестьяне не раз говорили, что, если бы им давали доброкачественную водку, они не стали бы варить самогон. Вот почему разрешена была продажа водки. По крайней мере, есть уверенность в том, что будет поглощаться менее вредный продукт, чем самогон, и будет уничтожено то, что в каждом доме был свой маленький винокурный завод. Только слепой не видит этого.

Поэтому странно, когда, например, сейчас некоторые подняли лицемерный крик по поводу разрешения Советской властью продажи водки. А где они были, когда кругом их разливалось самогонное море? Где было их красноречие?

Вот недавно один из крестьян Тульской губернии и уезда, села Мяскова, ополчился прогив этого разрешения правительством продажи водки. Что же он слеп и глух и нем был, когда кругом него всюду варился самогон? Он спрашивает—с намерением быть ядовитым:

«В какое положение поставлен теперь Емельян Ярославский, который наводил критику на русских попов и их богов?»

На этот вопрос мне очень нетрудно ответить.

Сначала только маленькую поправку: не на русских попов и их богов наводил и наводит критику Ем. Ярославский; с попами всех вер, со всякими богами, с религиями всех народов боремся мы. Положение мое нисколько не изменилось. Я попрежнему буду «наводить критику», я попрежнему буду разоблачать всякую религию, как род духовной сивухи; но я попрежнему буду бороться и против пьянства, как боролся до разрешения продажи водки.

Как же так,—спросят некоторые,—разве вяжется одно с другим?

С одной стороны, вы разрешаете продавать водку, а с другой—боретесь против того, чтобы люди ее пили,—боретесь за трезвое молодое поколение, убеждаете пионеров и комсомольцев, что для того, чтобы они были здоровыми людьми, чтобы они были честными гражданами, чтобы они могли выполнять свою великую задачу строителей коммунизма, им надо воспитать себя,

как трезвое, совершенно враждебное алкоголизму, потреблению спиртных напитков поколение?

Нет, в этом никакого противоречия нет! Мы знаем, что алкоголизм, приверженность к спиртным напиткам—социальная, общественная болезнь, которую нельзя искоренить одними приказами.

Вот в Америке не так давно некоторые штаты (губернии) пробовали издать закон, воспрещающий выделку, продажу и ввоз спиртных напитков. Эти штаты, в отличие от тех, где была разрешена продажа водки, назывались «сухими» штатами, а те, пьяные,—«мокрыми» штатами. Однако, водка обладает таким свойством, что она из мокрых штатов перетекала в сухие, несмотря на все запреты, штрафы, аресты, заградительные отряды и пр., и пр. В конце концов, эти законы остались только на бумаге.

Значит, надо подходить с другого конца. Из запрета нашего ничего не выходит. Значит ли это, что мы оставляем борьбу с пьянством? Нет, вовсе не значит. Мы попрежнему, даже больше, усиленное прежнего должны вести эту борьбу. Поэтому сейчас разрабатывается законодательство против уличного пьянства, против хулиганства, которое проявляют пьяные люди. Это, с одной стороны, чтобы каждый знал острстку—знай край, да не падай; уж если ты не можешь удержаться от того, чтобы не пить, так сдерживайся. Но это только одна сторона дела, а другая сторона—и притом более важная—заключается в том, чтобы мы усилили нашу культурную работу. Разве мы приостановили всю нашу борьбу за создание лучших условий сельского хозяйства, за более человеческие условия существования рабочего класса и крестьянства? Нет, мы и сейчас все силы должны положить именно на это.

И начинать мы должны не с дедов, не с бабушек, которых в тысячу раз труднее переделать, а с детей и молодежи.

В пионерских отрядах дети воспитываются в ненависти к пьянству, к водке, ко всем видам телесного и духовного дурмана,—как к водке, так и к религии,—ибо религия есть тоже, по выражению Ленина, «род духовной сивухи». А там, где самогон взрится в каждом доме, как это было до сих пор, конечно, и деги начинают спаиваться родителями. Опасность этого, конечно, гораздо уменьшается, если крестьянин перестает варить самогон и покупает в праздник водку. И молодежь, и подростки, которые самогоном спаивались, конечно, меньше станут пить, тогда самогона в доме не будет.

Это—с одной стороны. С другой стороны, мы должны поддерживать среди нашей молодежи, как и среди взрослых, трезвое состояние потому, что один пьяный наговорит и наделает таких глупостей, что потом сотни трезвых не смогут исправить вред, нанесенный им. Конечно, мы вовсе не святые люди и можем делать ошибки, но мы должны показать, что вовсе не для красного словца мы говорим о воспитании здорового поколения, освобожденного от всякого дурмана.

Кое-где среди комсомольской молодежи организуются кружки по борьбе с пьянством. По-моему, мы должны всемерно поддерживать эти кружки, помогать этой лучшей части рабочей и крестьянской молодежи организовывать такие кружки, привлечь все село туда постановкой хороших занимательных вечеров с хоровым пением, с декламацией и музыкой, с постановкой каких-нибудь интересных опытов по химии и физике, с лекциями по агрономии, сельскому хозяйству вообще; помочь оборудовать как следует библиотеку, народный дом, клуб, школу крестьянской молодежи, где можно—кино. Если мы видим, что кто-нибудь из хороших ребят начинает поддаваться спиртному угару,—обратить на него внимание, помочь ему избавиться от этих привычек и особенно усиливать эту работу к праздникам, когда пьянство приобретает как бы законный характер: дескать, как же в праздник не выпить!

В особенности же мы должны бороться против того, чтобы наши новые, революционные праздники не омрачались отвратительным видом пьяных, иначе революционное значение таких праздников будет сведено на-нет.

Вот каково должно быть отношение нас, коммунистов, комсомольцев, к этому общественному злу—пьянству.

Мы должны добиваться того, чтобы поднять культурный уровень жизни всего населения, избавить его от таких тяжелых условий, когда человек, как говорится, с горя пьет, когда в водке находит он единственную, пусть угарную, пусть пьяную, но радость. Мы должны вырастить и создать такое здоровое поколение, которое чувствовало бы радость именно от того, что избавилось от этой отравы.

— Что же,—скажут некоторые,—это в роде обществ трезвости проповедует Ярославский?—Нет, тут совсем другое. Общества трезвости, в большинстве случаев, были лицемерным прикрытием для одурачивания народа, для одурманивания его религией, для отвле-

чения от политической борьбы, от общественных вопросов большой важности.

Та борьба с пьянством, к которой мы призываем, имеет в виду совершенно другое—прямо противоположное: помочь вырастить такое трезвое поколение людей, которое питало бы отвращение ко всякому виду одурманивания, которое в общественной деятельности, в поднятии культуры рабочих и крестьян, в творчестве новых форм жизни сумело бы найти для себя радость жизни.

Вот почему все—молодежь и взрослые, коммунисты, комсомольцы и беспартийные—должны взяться за эту работу.

Ем. Ярославский.

«Не о единой политике жив комсомолец».

Некоторые комсомольцы (особенно деревенские),—с превеликим старанием «переоценивающие» старые ценности, относят, между прочим, к числу буржуазных предрассудков: игры, пение, пляски и танцы.

И таких комсомольцев не один и не два. Заглушая в себе все, что от «лукавого», т.е. от юности, они выступают в роли политических гувернеров остальной молодежи, отпугивая ее от себя малопонятными, выпренными рассуждениями. Разумеется, они совершенно не учитывают того, что у молодежи имеются специфические запросы иного порядка, объясняемые возрастом.

Эти комсомольцы полагают далее, что «легкомысленные» занятия (так, напр., игры и пляски)—если и разрешаются, то только беспартийной молодежи, лишь благодаря ее политической и культурной отсталости.

Комсомолец же, по их мнению, должен вести чуть ли не аскетический образ жизни, быть в разных обстановках в одинаковой мере серьезным и подходить ко всему «с точки зрения».

Словом, не комсомолец, а какой-то мешок, начиненный мудростью, или какая-то ходячая энциклопедия!

Если такие комсомольцы—исключение из общего правила, то нужно отметить, как явление довольно типичное, главным образом, для комсомольского актива, что большая часть его живет только политикой, перегружена работой и не по летам «рассудочна». Едва ли такое явление можно считать совершенно нормальным, так как это, несомненно, засушивает молодежь. И не даром один из наших стариков как-то с горечью заметил, что если комсомольцы на собраниях поражают своими ораторскими способностями и прекрасной ориентировкой в политических вопросах, то в быту они оттаивают от себя схожестью с чеховскими героями в «футлярах».

Все это заставляет призадуматься. Действительно, молодежь зачастую перестает походить на молодежь. Приглядитесь внимательно к комсомольцам в быту и вы невольно подумаете, что они как бы потеряли способность по-юношески воспринимать жизнь, как бы утратили свою непосредственность, изобретательность и гибкость, юношескую порывистость, свежесть и жизнерадостность смеха—и стыдятся всех этих великолепных качеств.

Зато они приобрели—и в больших пугающих размерах—резкость в движениях, суровость в поступках, безапелляционность в суждениях и полное пренебрежение к тому, что не импонирует, так сказать, задачам текущего момента и тому высокому положению, которое занимает, скажем, член бюро райкома РЛКСМ и вообще видный комсомольский работник.

Этим и объясняется то великолепное презрение многих комсомольцев к играм и прочим развлечениям, которое дает себя чувствовать с ошутительной остротой.

Этим объясняется и нездоровое увлечение комсомольцев фразой, а также и тяга их к взрослой аудитории.

Комсомольцу тесно в рамках своего возраста, он их старается перепрыгнуть, да, пожалуй, порой и перепрыгивает. А между тем это—уже искривление роста. Быть юношей со всеми особенностями этого периода в человеческом развитии совсем не грех, совсем не плохо и, конечно, необходимо.

«Не делайтесь стариками»,—сколько раз звучал этот предупреждающий призыв к молодежи, и в первую очередь к комсомольцам.

Слова Пушкина—«Блажен, кто смолоду был молод, блажен, кто во-время созрел»—не потеряли для нас до сих пор своего значения.

Жизнь подтверждает, и к несчастью слишком часто,—что преждевременно состарившиеся, быстро надорвавшиеся физически и переутомившиеся умственно люди особенно подвержены упадочническим настроениям и разочарованию в жизни. Нужно говорить прямо: от этого мы не гарантированы и в дальнейшем.

Дутая, павлинья важность в наших условиях почитается кое-чем за необходимый и основной признак дисциплины и деловитости.

Но здесь уместно будет напомнить, что хулиганство и расхлябанность, с одной стороны, юношеский задор и острота восприятия жизни, с другой стороны,—особенности характера, взаимно друга исключают. От того, что их постоянно смешивают, у нас происходят курьезные недоразумения.

Почему же, спрашивается, вести себя порой «по-мальчишески» у нас считается постыдным? А это факт. Совершенно непонятно также, почему всякая инициатива в придании веселого колорита тому или иному собранию молодежи заглушается?

Могут сослаться на хоровые песни. Да, хоровые песни, конечно, у нас поощряются, но это мало, а ведь этим круг развлечений молодежи и ограничивается. Но, строго говоря, даже хоровое пение не есть развлечение; это—неизбежный придачок к собранию и всей общественной, массовой работе; да так его и рассматривают.

Здесь же мы хотели остановить внимание т.т. и еще на одном забытом, но верном положении, что не «о единой политике жив человек». Это положение особенно верно для молодежи.

А комсомольцы всегда почти подводят под себя, если так можно выразиться, идеологический «базис», рассматривая даже развлечение с «принципиальной» стороны, чрезмерно этим увлекаясь.

Комсомолец старается в каждую игру непременно вложить элементы политики. От этого-то комсомольцы, представляющие собой все же молодежь, порой теряют свой истинный, природный облик.

А между тем нельзя смешивать одного с другим, необходимо знать чувство меры и соблюдать пропорции.

* *

Где он новый, комсомольский быт? В то время, как он должен произрасти из старого быта, он надумывается, а старый быт и не думает умирать.

Танцы, например, осуждаются, их мещанский характер выявлен в статьях и речах.

Приходят комсомольцы на вечер и срывают танцы. Их спрашивают, а где новые формы быта? Сколько угодно. Ответ не заставляет себя ждать.

Устраиваются вечера юнсекций, вечера самодеятельности, семейные вечера.

Но будем строгими к самим себе и спросим... Можно ли назвать семейными вечера, на которых вечеру, собственно, предшествует

продолжительное заседание с неподдающимися регламенту докладами?

Правда, музыка скрашивает однотонность и вялость вечера, правда, на этих вечерах декламируют патетические стихотворения, ну, а дальше? Что же еще?—Политфанты, политлотерея?

Политфанты,—ну, простите, это веселое занятие, как правило, напоминает политпроверку, а ее не то что беспартийная молодежь, комсомольцы рядовые как огня боятся. Нам пришлось быть свидетелями того, как одна крупная производственная ячейка с целью популяризации кружков политграмоты организовала «вечер рабочей молодежи». Вечер прошел на редкость тоскливо. Дух политграмоты витал над залом. В программу вечера вошли три доклада и политфанты. Положение у организаторов вечера получилось весьма конфузное, так как молодежь очень переутомилась и ждала чего-то. А этого чего-то не оказалось. Все сидели на стульях, обмахивались платками, слушали рассеянно беспрерывно гремевший оркестр. Затем, как по команде, встали и, видимо, совсем неудовлетворенные вечером, разошлись. Заметьте: политфанты были исключены из программы, т. к. они явно шли вразрез с настроениями молодежи.

Неизбежный и всем нам хорошо знакомый конец. Но как уместно вспомнить в таких случаях пословицу: «время делу, потехе час». Час отдыха должен был доставить молодежи облегчение за тяжелый умственный и физический труд, повседневно ею выполняемый. Ей нужно было движение, ей нужно было разгорячить кровь, ей нужно было вызвать румянец на свои поблекшие щеки от механической производственной работы и академических занятий. А мы ей преподносили оригинальный вариант политграмоты и думаем, что это и есть отдых.

Характерная особенность этих вечеров в том, что в них отсутствует внутренний подъем и преобладает внешность.

Ничего другого не может получиться из программы, которая пытается не перестроить старый быт, а искусственно привить новый теоретический быт по Бердникову и Светлову.

* * *

В заключение мы еще раз подчеркиваем, что указанная «болезнь» не распространяется, к счастью, на всю комсомольскую массу, а представляет собой, по преимуществу, «профессиональную» бо-

лезнь комсомольского актива. На это есть, конечно, свои причины. Главные из них: засушливость работы и чрезмерная нагрузка.

Но вся беда в том, что многие активные комсомольцы придерживаются совершенно сознательно своеобразной «аскетической» морали. Покоится она на том неверном принципе, что звание передового комсомольца будто бы связано с отказом от полноты жизни. Несмотря на очевидность той истины, что «коммунисту, а тем более комсомольцу, ничто человеческое не чуждо», многие комсомольцы пытаются исходить порой из дутых принципов и признают достоинством свою односторонность в воззрениях на жизнь.

Мы не предлагаем переходить к голому культурничеству. Со всем нет.

«У вас, у комсомольцев,—говорил нам как-то один товарищ,—политвечера, политфанты, политлотереи, кругом полит, но вам ведь нужна жизнь и без полит, что, конечно, не исключает полит».

Речь идет об оживлении комсомольского быта, и в этой плоскости должен ставиться и разрешаться вопрос.

Влад. Слепков.

О «молодой старости», аскетизме и казенщине.

Совсем недавно автору этих строк довелось поместить в «Комсомольской Правде» фельетон: «Письмо о новом быте». Там приводится глупейшее письмо, написанное в таком тоне, который, казалось, способен вызвать лишь насмешку. Автор письма безапелляционно заявляет, что рукопожатия—выдумка буржуазии, которая хотела, будто бы, этим путем заражать и без того угнетенных рабочих и крестьян. По поводу галстуков он восклицает, что если их и носили некоторые вожаки рабочего класса, то было бы карьеризмом, желанием попасть в вожди и надевать этот атрибут простым смертным комсомольцам. Красивую и простую одежду он предлагает изгнать из обихода, как мещанский предрассудок, и обрядить всех девушек в сапоги. Любовь он называет «плешью» и глубокомысленно настаивает на признании лишь голой физической связи, лишенной товарищества, нежности и увлечения. Комсомольцам, которые не любят скуки и после безалаберного и сухого доклада весело свистят, он пророчит путь меньшевиков и эсеров. Танцы—тоже мещанство, и тех, кто танцует, автор злосчастного письма предлагает «выполоть» из союза, как сорную траву.

Считая, что письмо говорит само за себя и все ясно, как день, я сделал лишь небольшую приписку, заимствованную из произведения великого писателя Салтыкова-Щедрина. В этой приписке подобного рода нравователи были сравнены с порожними казенными штанами.

В свое время этим образом Салтыков-Щедрин хотел высмеять всю внутреннюю пустоту, бессодержательность и бесчеловечность командного состава старой армии.

— Только что в вас и есть—одна форма,—как бы хотел сказать Щедрин.

Казалось бы, все ясно, что к чему. И что же вы думаете? После этого приходит письмо тов. Л—ч, сотрудника им. «Октябрь-

ской революции». Товарищ пишет, что поручила ячейка местному оратору делать доклад о новом быте. Тот, не долго думая, ухватился за письмо о новом быте, «проработал» его, согласился с ним, приписку о казенных штанах счел недоразумением или просто приложением, долженствующим украшать мысли чудака, написавшего письмо, и сделал доклад. Вот, говорит, надо считать карьеристами всех лиц, кои носят галстуки—эту отрывку проклятого прошлого.

Некоторые не соглашались. Но оратор только взмахнул «Комсомольской Правдой».

— Смотрите, я в полном согласии с директивами ЦК.

На «неправовверных» это обстоятельство подействовало, повидому, хорошо. Что же касается до многих других, то они и так поддерживали тезисы горе-докладчика, приятно льстя надеждой, что их мнения совпадают с «директивой ЦК».

Только после, когда некоторые товарищи дали себе труд проверить, а так ли написано в фельетоне, ошибка была более или менее вскрыта, и ребята поняли, в какую лужу они сели.

Это кажется анекдотом, однако, это настоящий кусок жизни. К такому же убеждению приходишь, когда читаешь многочисленные отклики товарищей, высказавшихся о фельетоне.

Рабфаковец В. Мартененко пишет, что очень грустно читать заключения о казенных штанах. Он говорит: «письмо есть, действительно, как письмо, ставящее ребром пережитки быта. Прав товарищ, поместивший его».

У меня волосы поднялись дыбом. Как-будто культурный товарищ. На обороте его статьи аккуратно выписаны алгебраические вычисления. И пожалуйста, он против веселья, он против молодежи, которая любит в свободное время потанцевать, поиграть и т. д.

Можно подумать, что это писал не молодой, живой юноша, а старая монастырская калоша.

Комсомолка из Петрозаводска М. Д—ва также выражает согласие с мнением автора письма о любви, мальчишестве и рукопожатиях.

Со своей стороны она предлагает: «входя в уголок Ленина, ребята не снимают головных уборов. Надо их снимать».

Это предложение хорошо дополняет представление об его авторе. Суровая девушка-аскетка, думающая, что коммунизм требует от нее потушить всякие чувства и человеческие потребности.

Человеку, особенно молодому, свойственно смеяться, шутить, впадать даже в «детство». Это нисколько, как-будто, не мешает

серьезности и ответственности в делах. Нет, по мнению М. Д—вой, это—дьявольское навождение.

Сама природа тянет юношу к девушке и обратно. Они вместе гуляют, ласкают друг друга, пытаются украсить свои отношения, как стремится украсить и обогатить свою жизнь здоровый человек, который не терпит скуки. Конечно, разные классы по-своему понимают красоту. Верно, что пролетариат резко расходится с буржуазией во взглядах. Но следует ли из этого, что пролетариат несет с собой взгляд на любовь, который исключает близкую, теплую и товарищескую связь и предполагает лишь просто животное удовлетворение друг другом? Совсем не следует. Так думают о пролетариате лишь не принявшие революцию самовлюбленные интеллигенты, которым кажется, что рабочий—это какая-то бездушная, суровая скотина, которая лезет с ногами на стол и, конечно, неспособна по-человечески чувствовать и понимать.

М. Д—ва тоже думает, что любовь и коммунизм—вещи несовместимые, хотя, по чести говоря, я не думаю, чтоб М. Д—ва искренно разделяла эту точку зрения. Вероятно все же, жизнь, выставленная за дверь, лезет в окно.

Заметьте, читатель, этого взгляда придерживается не только М. Д—ва. В этом же стиле пишут и другие товарищи. Мало того, по части отношения к любви мы имеем просто курьезные случаи.

В редакцию «Комс. Правды» поступают, например, просьбы товарищей, которые где-то перехватывают любовные письма комсомольцев и предлагают фельетонистам хорошенько намылить им голову. Предложение обычно составлено с пафосом.

— Вот мол, смотрите, что это за комсомолец? Разве это будущая смена старой гвардии? Это—обыватели, которые несут яд старой идеологии, и т. д. и т. п.

Читаешь письмо. Образ развратного, растленного и разложившегося юноши или девушки уже создан впечатлением от предисловия товарища, перехватившего любовные строки и любезно доставившего их в редакцию. И что же? Самое обычное письмо к любимой девушке. Начинается словами: «Дорогая, милая», кончается: «горячо любящий, крепко целую» и т. д. Вот и все. В чем дело? Что громить? Обывателей, контр-революцию, мещанство? Где оно?

Совсем недавно А. Зорич опубликовал интересный факт, который послужит хорошей иллюстрацией к высказываемым здесь мыслям.

«В Карачееве (Пермского округа) комитет РЛКСМ решил, что, буде ночью у реки Обвы будут застигнуты на скамейке сидящие комсомолец с комсомолкой, таковых т.т. задерживать неукоснительно и доставлять в комитет для общественного порицания и товарищеского внушения. А чтобы ребята не спасались от бдительного ока комитета бегством, каждую застигнутую на реке пару стали опутывать, подкравшись сзади, санным кошелем и связанных доставлять, проводя в таком виде через все местечко, в Комсомол.

Однажды в кошель попал на реке даже и сам секретарь, чьей блестящей инициативе была обязана ячейка мерами по насаждению и соблюдению нравственности в карачеевской комсомольской среде.

Его хотели, было, из уважения к чину освободить, но он достойно сказал: «Видите, у нас демократия, и различия быть не должно». Повели. В комитете развязали. Спрашивают:

— Знаешь, что по уставу членам РЛКСМ запрещается сидеть у реки на лавочках. Зачем разлагаешься?

— Знаю, говорит, и прошу и прошу снисхождения. Это ошибка молодости.

К нему снизошли, а ловлю кошельками провели, по его настоянию, с удвоенной энергией».

Здесь уже не только гонение на любовь, на гуляние взрослых ребят с девушками. Здесь просто монастырь. Просто какое-то поповство, ханжество. Кому это нужно? Понятно, надо бороться с психологией, которая считает, что человек призван природой исключительно для того, чтобы валяться на брачной и небрачной постели. Понятно, надо бороться с половой распущенностью, безответственностью и легкомыслием. В разговоре с Кларой Цеткин Владимир Ильич очень решительно и справедливо осуждал невоздержанность в половой жизни:

«Вы, ведь, знаете молодого товарища Х. Прекрасный, высокоодаренный юноша. Боюсь, что, несмотря на все, из него ничего путного не выйдет. Он мечется, бросается из одной любовной истории в другую. Это не годится ни для политической борьбы, ни для революции. Я не поручусь также за надежность и стойкость к борьбе тех женщин, у которых личный роман переплетается с политикой, и за мужчин, которые бегают за каждой юбкой и дают себя опутывать каждой молодой бабенке».

Но никогда Ильич не договаривался до того, чтобы за любовь ловить кошельками.

В этой же беседе он несколько раз подчеркивает: «ничего не могло бы быть более ложного, чем начать проповедывать молодежи монашеский аскетизм». По его мнению, мы не можем отнимать у юношества «бодроту и жизнерадостность, вызванную также и полнотой любовной жизни».

Но возвратимся к «молодой старушке» М. Д-вой. Ее елейный образ дополняется новой чертой.

Она предлагает обнажать голову перед портретом Ильича. Как это характерно! Какая казенщина! Какое поповство!

Ну так-сяк, было бы предложение вообще снимать фуражки в помещениях. Это понятно. Возражать против этого неумно. Но когда товарищи увлекаются, начинают строить из Ильича икону, нельзя не напоминать этим ревнителям святой казенщины, слова Н. К. Крупской, сказанные ею на 6-м съезде Комсомола: «Ленина не надо превращать в икону, надо, чтобы его идеи служили руководством к действию».

Другая комсомолка, подписавшаяся псевдонимом «Шило», согласная с доводом приведенного мною в фельетоне чудака, что сапоги и грубая одежда более всего к лицу ленинке, просит дать ей совет, как уберечь себя от упреков ребят в отсутствии женственности. Дело в том, что она принципиально ходит в сапогах и грубой одежде, что должно, по ее мнению, отличать ее от мещанок и свидетельствовать о простоте. Затем она не зашивает дырки и прорехи на платье в знак наглядного доказательства о своей занятости борьбой за коммунизм.

Пожалуй, единственное, что здесь можно предложить—это посоветовать ходить в мешке, в котором обычно возят уголь. При этом места для рук и головы можно вырезать. Хотя можно и не вырезать.

Написав этот совет, я не уверен, что после того сочувственного отношения к «письму о новом быте», которое многие проявили, некоторые т.т. всерьез не воспользуются этим предложением.—Да, да,—скажут,—вот блестящая мысль. И, может быть, они по-своему правы, потому что как не дойти до этого после всего того, что имеется в быту.

— Пыль, грязь, копоть—постоянные спутники многих комсомольцев,—пишет т. Середкин. Особенно этим качеством обременены активисты-холостяки. В комнате или в общежитии вечно беспорядок,

доч, вещи и книги разбросаны по всей комнате: один грязный, прогнивший носок соседствует неподалеку от продуктов, другой ночует под столом. Чайники все в саже от кипячения на примусе. На редкость грязные чашки и стаканы—всегда открытое убежище для мух. Постель расстилается не каждый день. Пыль из матрацов и одеял не выколачивается. Бани не посещаются по три месяца. В квартире плавают облака табачного дыма, и запах его спорит с неприятными ароматами грязного жилья.

В духе приведенных откликов имеется и еще десятка два. Правда, большинство товарищей издевается над «письмом», но наличие большого количества положительных отзывов заставляет задуматься. Пожалуй, мы имеем дело с определенной болезнью недооценки тех изменений в быту, сделать которые диктует нам сама жизнь.

Галстук не смей носить. Платье хорошее не смей надевать. В баню ходить нечего. Руки близким товарищам нельзя подать—сифилисом или чумой заразит. Любовь—предрассудок. Посвистел—стал меньшевиком. Плясать и танцевать начал—круглый мещанин.

Сдается, что этот кодекс норм распространяется и дальше. Факты открывают дорогу этому предположению.

Тов. П. Ефимов пишет: «Салтыковых-Щедриных сами читайте. А молодежь теперь наша не читает далеко стоящих от нас мелкобуржуазных идеологов».

И товарищ, вероятно, искренно полагает, что он высказал правильную мысль. К чорту, стало быть, Салтыкова-Щедрина, Толстого, Пушкина, Лермонтова, Тургенева. Мы сами с усами. Надо заметить, что такое настроение не единичное. Находится достаточно любителей положить ноги на произведения классиков. Искусство, которое обогащает кругозор, которое помогает видеть вещи сильнее, ярче, конкретнее, которое служит одним из лучших видов наслаждения человека, украшающих его будничные, иногда серые дни, не дооценивается. Нередко к товарищам, которые пробуют свое перо, пишут стихи, рассказы, или учатся играть на мандолине, относятся с какой-то глухой полувраждебностью.

В «Комсомольской Правде» уже не раз отмечалось товарищами, что в клубах молодежь нередко засушивают. Пичкают всевозможными докладами, политфантами. Хваленые вечера самодеятельности также нередко превращаются в какое-то нудное, скучное и бесцветное убивание времени. Об этом очень хорошо сумел написать тов. Вл. Слепков.

А посмотрите, каким языком говорят комсомольцы. Ведь это же сплошной ребус, который нельзя разгадать! Или, в лучшем случае, это—сухие, казенные фразы, от которых на собраниях зевают и мертвецки спят. И здесь дело, конечно, не только и не столько в языке. Главное в том, что не всегда умеют соединить общие задачи с выявлением и учетом нужд, потребностей, мыслей и настроений молодежи, с чутким, проникновенным отношением к ним. Жизнь товарищей складывается из многих составных частей. Здесь и комсомол, и разные товарищи, и завод или учреждение, и школа, и семья, и улица. Тысячи влияний накладывают свою печать на строй, мысли и настроения молодого коммуниста. Он ищет сплошь и рядом выхода из создавшихся противоречивых влияний. Он искренно страдает. У него рождаются новые запросы, мысли и желания. Только чутко увидев человека в целом, можно успешно найти те паруса, в которые должен дуть ветер революции, чтобы успешно двигать человека вперед.

Между тем даже опытные комсомольцы не могут найти этих парусов, и слова поэтому непонятными повисают в воздухе.

Эта нечуткость, над которой лежит совершенно явный налет казенщины, проявляется в самых разнообразных формах.

Один из знакомых примеров. Активный комсомолец Х. работает инструктором. На него валил одну работу за другой. Нет ни минуты свободного времени. Некогда почитать, некогда пораздумать, некогда сходить в театр или в концерт, некогда позаботиться о себе. И вот вдруг наступает реакция. Товарищ чувствует неполноту жизни, находит, что чего-то нехватает. Между тем в комнате этого не замечают. Побеседовать еж, как говорят, по-душевному, не с кем, да и обстановка не располагает—все занято, у всех дела. Дают новую нагрузку, новые поручения. Товарищ же тем временем идет по линии наименьшего сопротивления, запивает и, чем далее, тем более проникается каким-то мрачным и неприязненным отношением к окружающим—не понимают, какие-то столбы, а не люди. Эти настроения приходят в столкновение с привычными для мозга мыслями и обобщениями о необходимости борьбы за общее дело. Начинается внутренняя борьба. В итоге вырабатывается какой-то исковерканный, настроенный на индивидуалистический лад молодой старикашка. А ведь можно было бы этого не допустить.

Другой пример.

Знаменитое «мещанство». Это слово в большом ходу, хотя многие не понимают его значения. Тов. Сосновский в «Правде»

посвятил этому вопросу целый фельетон, чтобы разобрать, что нередко скрывается под флагом «мещанства».

Он пишет: «Работница-рабфаковка, жившая когда-то за границей и кое-что там позаимствовавшая по части «хваленой культуры», протестует, когда на ее постель садятся, да еще в верхнем платье, да еще иногда с сапожниками. Ее за это награждают тем же убийственным словом—«мещанство».

Одна рабфаковка одалживает у другой блузку, чтобы пойти куда-то на вечер. Берет блузку чистую, а возвращает грязную. На выражение неудовольствия тот же отклик—«мещанство»...

Сколько прощальг, проходимцев и пошляков, вооруженных этим великолепным словечком—«мещанство», мнут и топчут не только галстуки и блузки, но и человеческие жизни более застенчивых, более совестливых, более наивных и доверчивых и пуще всего боящихся обвинения в мещанстве.

Вообще, проявлять уважение к правам и вкусам другой личности, считаться с ее желаниями—мещанство.

Соберите вокруг себя в любом вузе, рабфаке десяток юношей и девушек и выслушайте, насколько употребительно и в каких разнообразных формах и оттенках слово—«мещанство». Если девушка колеблется отдать себя в распоряжение некоего ухара, если она не позволяет «лапать» себя (это делается в порядке чисто-товарищеского отношения), ее клеймят тем же словечком».

Из этих примеров очевидно, что сухость, казенщина, нечуткость, аскетизм, собачья старость завоевали себе право гражданства среди некоторых слоев молодежи не только в мелочном, по сути дела, вопросе о рукопожатиях или о танцах. Нет, они проложили себе путь и дальше—в глубь бытовых отношений.

Какие же причины лежат в основе этих явлений? Основная причина, по-моему, удачно указана т. Яковлевым в его статье «О пролетарской культуре и пролеткульте», проредактированной тов. Лениным¹⁾. Тов. Яковлев пишет:

«Плеханов в своем реферате об искусстве, читанном им в Париже в 1912 г., говорит: «Надо вообще заметить, что на стараниях людей придать себе ту или иную внешность всегда отражаются общественные отношения данной эпохи»... Совершенно несомненно, что хотя бы стремление нашей революционной молодежи иметь возможно более обтрепанный, общипанный «комсомольский вид», что

¹⁾ Статья помещена в «Правде» от 24/X 1922 года.

грязь в казарме, блохи и клопы в наших советских домах есть отражение того же общественного отношения, которое проявляется в сверх-бюрократизме нашего аппарата—в некультурности».

Именно на почве общественных отношений, которые опираются на бедность и нищету производительных сил, на недостаточность материального уровня, вырастают те явления, о которых мы вели речь.

Ведь это легко говорить, что парень не обращает внимания на одежду, не покупает мыла, зубной щетки, не ходит в театр, не читает Толстого, говорит безграмотные вещи, недостаточно чуток и т. д.

А посмотрите в корень, как говорил Кузьма Прутков, и вы увидите, что многие, особенно несколько лет тому назад, буквально не имели возможности всего этого делать, потому что человек связан нуждой.

Ведь это не трудно пальцем указать,—смотрите, какое невнимание к человеку и его запросам, смотрите,—его нагружают, как лошадь. Но надо учитывать и другое: загружают потому, что квалифицированных работников мало, а работы уйма. И здесь, стало быть, лежит печать нашей бедности и некультурности. Если внимательно вникнуть в суть и других явлений, отмеченных нами, то эту печать можно найти и на них.

Какой же тогда выход? Выход, конечно, прежде всего, в борьбе на разных участках нашего хозяйства. Только успехи нашей работы по поднятию производства, по повышению материальной базы, создадут действительно прочные условия для культурного расцвета, в самом широком смысле этого слова, рабочих, крестьян и молодежи. И вся наша тактика, все нормы поведения, все качества должны быть приспособлены для лучшего проведения этих задач. Только так можно ставить данный вопрос, если мы хотим быть трезвыми людьми. В ближайшие годы и пятилетия на нашем быту и в отношениях по необходимости, будет лежать тень трудной и суровой борьбы и работы. В ближайшие годы нам едва ли удастся в широких масштабах осветлнить и осветить быт, внести в него такие краски, как мы того бы хотели. Этому мешает наше материально- и культурное положение.

Но значит ли это, что нам сейчас, при данном состоянии материальных условий, в данной обстановке, заказаны все пути к борьбе с тем, что мы обобщили под названием «молодой старости, аскетизма и казенщины». Конечно, не значит. За это с достаточной убедитель-

ностью ратует рост культурных запросов и активности среди широких масс трудящихся и молодежи в особенности. У нас есть уже достаточная материальная база по сравнению хотя бы с первыми годами революции, чтобы внести значительные изменения и решающие поправки в быт и отношения.

Мы можем сейчас уделить большее внимание одежде, чистоте, искусству, книге, развлечениям, непринужденному веселью, борьбе с казенщиной, с сухостью в отношениях, чем это было в годы гражданской войны.

Чем далее, чем успешнее будут результаты нашего социалистического накопления, тем более будут расширяться в этом направлении наши возможности. Надо только правильно, сознательно уметь поставить вопрос о том, в какой мере и какие мы можем провести бытовые изменения. Было бы нелепым сейчас включать в культурную программу дня для всей молодежи, положим, ежедневное посещение театров, концертов, кино и т. д. Это—просто чепуха. В тысячу раз вреднее было поддаться известному лозунгу, который некоторые, чуждые революции люди пытаются подsunуть молодежи под фирмой оживления быта.

Спешите жить, спешите жить,
И все от жизни брать.
Не все ль равно, не все ль равно,
Придется умирать.

Этакий легкомысленный взгляд на жизнь, зовущий огноситься к ней, как к источнику всевозможных наслаждений, совершенно не к лицу нашей молодежи. Мы знаем, что современная жизнь—это жестокая и трудная борьба, связанная с муками и лишениями, которых нельзя обойти, чтобы действительно улучшить условия труда и быта.

Каутский, когда он был марксистом, писал, чего мы достигнем в результате труднейшей борьбы и работы:

«Социализм приносит людям обеспеченность, спокойствие и досуг. Он поднимет их души выше будничных забот, и им не придется изо дня в день думать о насущном хлебе. Социализм сделает каждую отдельную личность независимой от других личностей и искоренит таким образом холопские чувства и чувство презрения к людям. Мы в праве ожидать, наконец, что наступит царство силы и красоты, достойное идеалов наших глубочайших и благороднейших мыслителей».

Но подойти к постепенному осуществлению этих прекрасных положений можно лишь в результате напряженной, организованной и сознательной борьбы, под давлением которой постепенно улучшаются и будут улучшаться условия и сами люди.

Однако, нелепым является, с другой стороны, и механический культ того, что было тяжелой необходимостью в годы ожесточенной борьбы на фронтах; например, некоторая неопрятность к себе, суровость и небрежность в отношении к людям, непомерная перегруженность работой, чрезмерное ограничение своих запросов, равнодушные к литературе и т. д.

Голоса т.т., поддерживающих мысли автора письма, которое довелось нам высмеять, опоздали,—опоздали, по крайней мере, года на три на четыре. Под этими криками нет почвы. Если что и могут доказать эти голоса, так только то, что психология очень консервативна. Призраки прошлого беспокоят людей даже тогда, когда жизнь ушла далеко вперед.

В самом деле, ведь смешно, глупо и наивно полагать, что трудящиеся до полного построения социализма должны ходить принципиально рваными, грязными и т. д. и потом уже, некоторым образом на радостях, окончательно и бесповоротно очиститься в социалистической бане.

Пролетариат и крестьянство пользуются каждым удобным моментом для того, чтобы использовать хозяйственные успехи, поскольку это не противоречит целям и задачам дальнейшей борьбы в интересах жизни, более обеспеченной, более сочной и культурной, чем раньше.

А разве противоречит интересам нашей дальнейшей борьбы, разве есть какая-либо угроза в том, что комсомольская молодежь, наряду с серьезной работой, будет следить за собой, чисто и, по возможности, красиво одеваться, носить, положим, галстуки, если кому это нравится, актив освободится от излишней нагрузки, распределяя ее равномерней среди членов союза, в деревне ребята будут в часы досуга плясать и играть на гармошке, будут первыми запивалами (но отнюдь, конечно, не «запивалами») и организаторами веселых комсомольских улиц.

Конечно, нет. Надо видеть угрозу как раз в обратном.

Для примера воспользуемся письмом тов. Поповой. Она приводит разговор с одним беспартийным парнем, который сказал ей: «мне очень хочется быть комсомольцем, меня интересует работа

союза. Но мне хочется жить. А вы разве живете? Все у вас доклады да доклады, скучно».

Либо вот вам еще пример: философия одного молодого 16-летнего комсомольца. Он полон желанием бороться, и с этой стороны заслуживает только поощрения. Но смотрите, какими мыслями пропитан этот человек. Он говорит:—ну, что за пустяки, следить за своей одеждой, за своим здоровьем, ходить иногда в театры и прочее, когда кругом столько дикости и невежества. Надо бороться за коммунизм все 24 часа. Надо работать и работать, не покладая рук. И, полный этих благородных и идеальных чувств и настроений, он чувствует себя на голову выше молодежи, которая находит время и для работы, и для бани, и для семьи, и для развлечения. Товарищ не умеет и не хочет понять, что такие мысли неуместны сейчас, когда нет горячей поры гражданской войны, во время которой нужно было уметь жертвовать всем. Сейчас—новая обстановка. Сейчас надо уметь увязать общественную работу с удовлетворением бытовых запросов, которые неизбежно вырастают на почве укрепления нашего хозяйственного положения и которые не могут послужить помехой для сохранения революционной целеустремленности в борьбе. Молодой философ не понимает, что удовлетворение своих здоровых потребностей,—конечно, в тех пределах, которые не мешают оставаться выдержанным, преданным, дисциплинированным комсомольцем, готовым, когда этого требуют интересы общего дела, пожертвовать всем,—должно сейчас войти в сознание, как общественная обязанность. Эту обязанность класс выдвигает в качестве одного из условий сохранения бодрости, жизне-радостности и боеспособности трудящейся молодежи.

Итак, о чем же говорят эти заключительные примеры?

Эти примеры, понятно,—живое доказательство того, что если и грозят нам опасности по линии отрыва от масс, так именно потому, что в связи с хозяйственными успехами, в связи с ростом активности и запросов, надо внести существенные поправки в быт и взгляды комсомольцев.

Владимир Кузьмин.

О типе комсомольца.

Быть комсомольцем это, в узком смысле слова, значит принадлежать к организации, платить членские взносы и исповедывать программу и устав. Таковы внешние добродетели примерного комсомольца. Этих качеств вполне достаточно для ношения значка и билета, но совершенно недостаточно для звания ленинца.

Разумеется, выполнение обязанностей является первым и основным условием, без которого немислимо самое пребывание комсомольца в организации. Но смысл дела, очевидно, не только в принадлежности к организации и не только в честном выполнении своих обязанностей. Под оболочкой обязанностей и дисциплины комсомолец все-таки остается молодым парнем со всеми свойственными возрасту особенностями. Большую часть своего дня он проводит не в организации, а на производстве, дома, на улице. Вопрос, очевидно, в том, — остается ли он тем же комсомольцем в этом внешнем мире, вне организации, в быту.

Этот вопрос уже значительно сложнее первого. Здесь речь идет уже не о пунктах устава. Жизнь комсомольца нельзя разлиять по пунктам, строго указать возможное и недопустимое. Быт неуловим, он складывается из ежедневных, незаметных мелочей, не поддающихся регламенту. Поэтому поведение комсомольца в бытовом разрезе определяется не только его принадлежностью к организации, но и его личными данными, свойствами его психологии. Здесь уже встает вопрос об его духовном облике, о типе комсомольца.

Какой же это тип?

У нас принято быстро, не думая, отвечать на этот вопрос: — Комсомольский.

В самом деле? Есть ли у нас, появился ли более или менее общий тип комсомольца? Если да, то в какой мере этот тип соответствует нашим задачам в области комсомольского быта?

Раньше, в годы гражданской борьбы, когда комсомол делился почти без прослоек на две громадные глыбы — на рабочую и кре-

стьянскую части — это был общий тип. Тогда быт исчерпывался между ячейкой и домашним скандалом из-за комсомола. Самым постоянным и прочным элементом быта были винтовка и патронная лента через плечо. Создался определенный, законченный тип комсомольца, тип «братишки», удалого и отчаянного парня, отрицающего галстуки, бога, оконные занавески, любовь и многое другое.

«Отрицание» было характерной чертой комсомольца того времени. Здесь действовал закон инерции. Нынешний комсомолец входит в организацию после 8 лет политической и антирелигиозной пропаганды, когда вопрос о боге, например, становится в рабочих клубах несколько старомодным. А для комсомольца 18 года вопросы о боге, о семье, о душе и т. д. были актуальными, волнующими, которые приходилось проделывать в одиночку. И, когда комсомолец справлялся с такими препятствиями, как бог или семья, для него казалось простым и естественным «отрицать» такие мелочи, как любовь, или предавать проклятию такой явно мещанский предмет, как зубная щетка.

В это доброе старое время комсомольцы весьма своеобразно справлялись с бытом. Отрицая мещанский быт, они попутно вычеркнули ряд таких элементов быта, которые имели к мещанству самое отдаленное отношение.

Теперь этот тип комсомольца ушел в прошлое вместе с морковным чаем и кожаными куртками. Жизнь вводит в обиход комсомольца все новые и новые элементы. «Отрицать», конечно, самый легкий способ, но он оказывается неуместным и беспомощным в наших условиях. Встает вопрос о новом типе комсомольца, об его бытовом лице. Есть ли, появится ли этот новый комсомолец наших дней?

Пока его нет. Где-то в толщах организации зреет этот новый тип, вырабатывает и усваивает новый подход к быту. Отбирается нужное, подлинное, изживается вредное и надуманное. Будет день, и этот комсомолец придет, а пока мы видим только отдельные общие очертания нового типа комсомольца.

На его оформление имеет сильное влияние старый, ушедший в прошлое комсомолец. До настоящего времени сохранился, так называемый, «комсомольский» подход к элементам быта. Еще и сейчас в число комсомольских доблестей входит «непризнание», например, любви и прочих «глупостей». Еще и по сей час мещанством считаются галстук, брошка, бант; размеренный, гигиенический образ жизни предается отлучению от комсомола. Расхлябанный, неряшливый

вид, разухабистые замашки «рубахи-парня» считаются необходимыми для «выдержанного» комсомольца. Все это—отголоски старого, ушедшего, времен военного коммунизма.

Эти влияния, несмотря на их явную нелепость, имеют, тем не менее, большой успех. Причины этого успеха ясны,—несмотря на всю свою несообразность, фигура прежнего комсомольца представляется нам близкой и симпатичной. С ней связаны героическое прошлое комсомола, пафос и подъем военных лет, рождение и победы советов. Недаром у нас так прочно вошло в обиход, в привычку крылатое слово военных лет:—«даешь». Это прошлое заставляет наших комсомольцев бороться с галстуком и зубной щеткой, а комсомонок—стричь волосы и надевать сапоги.

Эти товарищи не могут понять того, что неуместно, а иногда и просто смешно повторять в новых изменившихся условиях старые слова. Комсомолец военных лет был по-своему прав: в условиях военной и политической борьбы вести правильный, размеренный образ жизни, следовать правилам гигиены мог только не принимавший участия в этой борьбе мещанин, обыватель. Ошибкой было лишь то, что это положение возвели в принцип, что вообще правильный образ жизни и приличную внешность зачислили в мещанство. В наше время такой взгляд кажется надуманным и смешным.

Это надо понять. Новый комсомолец должен освободиться от влияния отживших, потерявших смысл взглядов, ибо сейчас они не только не уместны, но иногда и вредны.

Время ломки, борьбы, разрушения кончилось. Страна уходит в период строительства, который потребует от строителей аккуратности, точности, четкости. Нужен новый человек, новый тип, аккуратный, опрятный, культурный. Нахрап и неряшливость военных лет надо вычеркнуть из комсомола.

Перед комсомолом стоит большая задача—выработать новый социальный тип, соответствующий в равной мере требованиям современности и задачам будущего.

Разумеется, не всегда и не вполне возможно сознательное регулирование этого процесса,—выработка этого типа происходит глубоко в недрах организации, следуя своими путями, которые не всегда возможно предугадать. Этот медленный органический рост должен развиваться естественно,—нельзя «объявить» новый быт, как в свое время похерили старый.

Виктор Кин

Комсомол за гармошку.

Да, за гармошку, да, за хорошую, блестящую частушку, за веселую песню, от которой кровь пенится, как вино, и ноги сами пускаются в пляс. За веселую комсомольскую улицу в деревне!

А то ведь бывает так. Ведь бывает, товарищи, что секретарь ячейки—имя рек—читает, сжав губы, долготомительный доклад о международном положении и о всяческих таких «проблемах» и «перспективах».

Мы не возражаем против «международного положения», мы даже не воздерживаемся от голосования, мы единогласно и бурно присоединяемся и к международному положению и к означенным «проблемам» и «перспективам».

Но...

Разве это все? Разве всеми этими «проблемами» исчерпывается проблема работы в деревне, в частности среди беспартийной молодежи?

А ведь многие склонны именно так подходить к вопросу.

Многие наши деревенские комсомольцы страсть как «серьезны» и могут рассматривать вопросы не иначе, как только «с точки зрения мирового масштаба».

Портфель под руку, нос в высь, глаза еще выше, многодумный палец ко лбу: «веревка вещь какая?»

А в то же время растет хулиганская улица. После работы молодежь бежит на улицу; там она воспитывается, там растет, там приобретает «знания», там «организуется» ее психика.

Эти знания? Эти игры и песенки, развлечения? На три версты несет от них самогоном, жутким матом, кровавыми шутками. Среда создает идеал, идеал—героя. Кто же герой по неписанному кодексу этих симпатических времяпровождений?

Тот, кто вылакает залпом такое-то количество горькой влаги, кто метким «ловким» ударом собьет с ног противника, кто больше имеет «успеха» у деревенских девчат.

Эти «успехи»? Почитайте в отчетах Наркомздрава жуткую статистику деревенского «знахарского» аборта и эпидемии венерических болезней...

А теперь такого рода вопросы.

Является ли описанная выше в весьма робких и бледных красках атмосфера смертных драк, разврата, хулиганства, озорства соответствующей «артиллерийской подготовкой» к слушанию... доклада о международном положении, о «проблемах» и «перспективах»?..

А ведь имеется в нашем распоряжении уйма интересных развлечений, остроумных, занимательных игр, политчапушек, песенок и прочая, прочая, прочая.

Мы ужасно невежественны и неграмотны, мы не умеем хорошо, культурно веселиться.

А хорошее воспитывающее веселье это—целая культура.

Кто ее проводник в массы, кто ее зачинатель в новой советской деревне?

— Комсомол.

Комсомолец должен быть первым весельчаком в деревне.

Он должен уметь быть политически развитым, грамотным, обязан знать толк в разнице между трехполкой и многополкой и уметь это показать, но в то же время он должен уметь веселиться, лучше всех играть на гармошке, чертовски хорошо танцевать казачка, изобретать занимательные игры. Но так, чтобы это веселье не пахло самогонном и дурными привычками...

Крестьянин против такого веселья протестовать не будет.

Пресловутый комсомольский «авторитет» от этого ничуть не понизится. Наоборот. Плох тот работник, который плохо веселится,—так говорит старая поговорка. А мы от себя добавляем: хорошо веселится тот, кто хорошо веселится. Хорошо—это значит культурно, это значит—воспитывающе.

Небольшой опыт в этом отношении свидетельствует об ошеломляющих результатах. В тех местах (а этих мест, увы, немного), где комсомол приходит с гармошкой и прочим таким на деревенскую улицу—он достигал замечательных успехов.

Нужно признаться, что верховодами скандальных улиц сплошь да рядом являются кулацкие сынки. Сыны ростовщика, деревенского зажимайлы—ему с комсомолом не по дороге, отсутствие книг, газет его особенно не тревожит, к ним не тяготеет его настроение и его мысль.

Наступила зима, со двора молодежь уходит в хаты, на вечорки; но там могут встретиться те же, если не худшие, явления разврата, буянства, матерщины, поножевщины.

Не разгонять надо эти вечорки, а войти и реорганизовать их.

Надо влить в новое комсомольское, советское русло беспорядочную активность деревенского молодняка.

И не только «проблемами» и утомительными нотациями «плохо ли, хорошо ли», а новой игрой, новой песней, новым рассказом, танцами, даже гармошкой, дорогие товарищи.

Ю. Юзовский.

Комсомольский «жаргон» и комсомольские «обычаи».

Одно время на страницах «Молодого Ленинца» горячо дебатировался вопрос о том, какая форма обращения должна найти место в комсомольском быту.

Большинство т.т. без малейших колебаний присоединилось к той точке зрения, что обращение на «ты» куда более созвучно эпохе и в большей мере отвечает задачам общественного воспитания, чем обращение на «вы».

Иного разрешения вопроса и нельзя было ожидать.

В самом деле. Разбитной комсомолец, в совершенстве владеющий такими «литературными» оборотами речи, как «брось губами шлепать», «трепышки продавать» и награждающий своих приятелей столь выразительными эпитетами, как «шмуляга», «задрыга», «зануда», считается у нас компанейским товарищем, безусловно идеологически выдержанным и, разумеется, пролетарского происхождения.

Если такое обращение считать нормальным, то едва ли стоит удивляться и тому, что комсомольцы уже при первых встречах, игнорируя условности, всячески фамильярничают и хлопают друг друга по плечу.

Товарищи, считающие более культурным и просто вежливым обращение на «вы», приносящие в известных случаях извинения, кажутся, наоборот, многим комсомольцам выходцами из социально-чуждого мира или, по меньшей мере, не порвавшими еще с пережитками буржуазного воспитания.

У комсомольцев, в порядке вещей, например, разговаривать со старыми партийцами и вообще людьми пожилыми непринужденно, и это было бы не плохо, если бы непринужденность в представлении некоторых т.т. не граничила с развязностью.

Но такой комсомолец чужд самокритики. Стоит вам только сказать ему, что он не почтителен, как на вашу голову посыпется град упреков, что вы незнакомы с пролетарской этикой, что вы не совсем свободны от заблуждений в вопросе о поколениях и т. д., и т. д.

В комсомольском общении имеется свой лексикон слов, грубоватых, крепких и замечательно бесцеремонных—рассчитанный на невзыскательность, на упрощенный тип отношений.

В его необходимости можно сомневаться.

На это замечание приходилось слышать такие возражения, что «пусть наш язык грубоват, примитивен—мы-де не интеллигенты, а безграмотные пролетарии, и в университете не обучались».

Этот вывод не совсем убедителен и во всяком случае он не может служить мотивом к тому, чтобы культивировать и поощрять то, что создалось, как результат бывшего политического и культурного угнетения.

А попытки к этому налицо. Один тот факт, что говорят об особом примитивном комсомольском жаргоне, свидетельствует о таких попытках.

Несомненный психологический интерес представляет и репертуар комсомольских песен.

Возьмите, напр., такую песню, как «Долой, долой монахов»... По смыслу это—хорошая песня.

Нехорошо, однако, то, что исполнение ее походит порой на своеобразное горлопанство.

Комсомольцы обычно игнорируют окружающую обстановку и, где бы они ни были, поют всегда кто в лес, кто по дрова,—обязательно громко, с претензией на то, чтобы произвести «потрясающее» впечатление.

Думается, что популярность среди комсомольцев политически острых песен и их далеко не музыкальное исполнение объясняются желанием бравировать своей нарочитой грубостью и полным презрением к, так-наз., «этикету».

Казенщина речи в комсомоле—явление заурядное.

Если хотите—это считается даже кое-где признаком хорошего комсомольского тона.

Уже тяжело и психологически просто невозможно слушать речи об империалистическом окружении, собачьей своре капитала, узурпаторах и т. д.

Нужно согласиться с тем, что это шаблон, к тому же порядком отдающий митинговщиной.

Пора отвыкнуть от зубодробительных речей и научиться говорить проще, вместе с тем литературней и осмысленней. На местах и сейчас можно найти не один десяток комсомольцев, засты-

ших в своем развитии, не идущих дальше агитаторских приемов лихого оратора 1918 года, беспощадно расправляющегося с «буржуазной сволочью», но совсем неясно представляющего себе международную обстановку и политику партии в том или ином вопросе.

Вот с чем нужно решительно бороться, так как это уже больше чем издержки роста—это тормоз, препятствующий общественному воспитанию в широком понимании этого слова.

Подобный тон переносится и на быт.

Обратимся к таким ходовым выражениям, как: «мещанка», «демагог», «насквозь прогнивший интеллигент» и т. д.

Если уже говорить по-чести, то вряд ли все комсомольцы уяснили полностью смысл и значение приведенных слов.

А между тем это излюбленный прием наклеивать такие ярлычки на своих же товарищей-комсомольцев. При чем делается это зачастую не потому, что ярлык отвечает действительности, а просто так, «по привычке», бросаться крепкими словами.

Есть основания думать, что сказанное выше может считаться типичным лишь для известной и притом меньшей части комсомола.

Однако, если взять даже вполне грамотный политический актив, то и здесь мы встретимся с одной хронической, так сказать, болезнью, вызывающей не малые опасения, а именно, с тенденциозной манерой говорить о политике высоким стилем, с чрезмерным увлечением политическими и «трескучими» фразами.

Бесспорно, что на языке наших критически мыслящих комсомольцев имеется казенный налет, мешающий им изясняться свободней и проще.

Ведь прямо режет ухо заученность выражений у комсомольцев. Иногда можно заранее предугадать, что и в какой форме скажет тот или иной товарищ. Послушаешь раз—два одного комсомольца и спрашиваешь себя, неужели у него не находится других более непосредственных слов, отвечающих его мыслям, настроениям и впечатлениям.

И как это ни странно, на этот вопрос чаще всего приходится отвечать отрицательно.

Едва ли все описанное можно принимать всерьез за добродетель. Наоборот. Все это свидетельствует о недисциплинированности ума, о самонадеянности, в смысле своеобразной хлестаковщины. Всему этому должна быть объявлена борьба.

Влад. Слепков.

«Октябрьский пирог».

Пусть не кажется некоторым, что название статьи парадоксально.

Мы поднимаем вопрос о внедрении наших важнейших революционных советских праздников в самую гущу трудового быта. Взрослая рабочая и крестьянская молодежь оценивает наш союз не только по его общественно-политической и экономически-правовой работе, но и по его культурно-просветительной деятельности. Удовлетворяет ли союз полностью культурные запросы юношества, достаточно ли организует досуг и отдых молодежи? Нам кажется, что еще в очень малой степени.

Стремление человека (особенно молодежи) развлечься, порасеяться, поглазеть, послушать, посудачить, посмеяться—нормально и законно.

Используем ли мы в нашей работе и в достаточной степени достаточно умело это нормальное стремление живой человеческой природы?

Потребность человека в «театральности» чрезвычайно велика. Церковь, например, эту потребность учитывает прекрасно—она действует своей театральной обрядностью на чувства человека: и на зрение (яркие или темные одежды, лампы, полумрак, суровые лики икон, торжественные выходы и т. д.),

и на слух (церковные песнопения, псалмы, певчие возгласы, монотонное бормотание и т. д.),

и на вкус (просфора, причастие и т. д.),

и даже на обоняние (ладан).

Церковь предлагает целый ряд общественно-эстетических приманок: торжественный крестный ход, торжественный молебен, наконец, обрядность крестин, свадебного ритуала, обрядность похорон и т. д.

Жизнь трудовой семьи слишком однообразна. Отсюда потребность взрослого рабочего (а иногда и работницы) в алкоголе: на дне винной или пивной склянки можно найти целый мир радостных

ощущений, новых образов, можно забыть нудную, однообразную повседневность...

Отсюда и довольно прочная бытовая связь семьи с церковной обрядностью: как ознаменовать брак двух любящих существ?

Как ознаменовать рождение ребенка?

Как отдать дань внимания умершему?

Как ознаменовать, отметить эти основные вехи жизненного пути человека (брак, рождение, смерть) без церковной обрядной театральности?

Наша «общественно-советская театральность» (наши советские празднества с их торжественными заседаниями, демонстрациями, клубными вечерами и т. д.) может успешно противостоять крестным ходам, иорданиям, хождениям с иконами (которые собирают, правда, еще массу активных участников, а еще больше—зевак, пассивных участников).

Но можно ли сказать, что наша «театральность» проникла в самый быт трудящихся?—Нет, этого еще нельзя сказать!

Театр все еще недоступен широкой рабоче-крестьянской массе—его посещение—не бытовое явление, а случайное и сравнительно редкое. Кино гораздо глубже пустило корни, но содержание кино все еще работает не на нас (несколько последних удачных кинофильм не идут в счет, так как первая ласточка не делает еще весны).

«Клин клином вышибают!» Наша красная обрядность (октябрины, комсомольские свадьбы, гражданские панихиды) прививается, но ей одной ограничиться нельзя, ибо она прискучивает, иногда неудачна, иногда слащава, шаблонна по исполнению.

Наконец, наши государственные советские празднества,—они еще только на улице, в клубе, они еще не проникли в семейный быт,—не проникли, но проникают!

Комсомольский почин—«праздник урожая» уже пускает прочные корни в деревне—пускает корни, как массовое народное празднество и взрослых, и молодежи (пока еще, правда, больше молодежи).

Октябрьский праздник должен проникнуть в быт.

Политическая мощь победившего рабочего класса должна найти себе выражение не только в массовых политических демонстрациях, но должна отразиться в производственном и семейном быту рабочего, пронизать его, стать его неотъемлемой частью.

Большое воспитательное значение должна иметь предварительная глубокая и массовая подготовка празднования.

Обычно подготовку к Октябрьскому празднеству ведут единицы—и без того перегруженный актив.

Наша задача—подготовкой охватить массу трудящихся, привлечь рабочих, работниц, служащих, их семьи, домашних хозяек, кустарей, ремесленников и т. д.

Октябрьские торжества должны проходить и на улице, и в клубе, и в доме рабочего, крестьянина, служащего.

У ребятшек с церковными праздниками связан целый ряд чувственных ощущений:

вкусная сдобная еда (куличи, пасхи, крашеные яйца, жареный поросенок, рождественский гусь, пасхальный окорок и т. п.); чистая, нарядная одежда (обновки).

И, наконец, сама церковная театральность: торжественная служба, яркое освещение, хождение со звездой, ряжение, гадание и др. рождественские и пасхальные обычаи.

Что должны сделать мы?

Мы должны сделать почин.

Молодежь должна именно к Октябрьским празднествам, а не к Рождеству:

подгонять покупку и пошивку обновок; генеральную уборку—чистку помещения (оклейку, побелку рабочей квартиры);

праздничный стол вместе с нашим (как некоторым кажется—парадоксальным) Октябрьским пирогом;

протереть засиженные мухами, запыленные стекла на портретах вождей, повесить какой-нибудь новый портрет, плакат;

вымыть, выскрести пол, обелить потолок, печь, обмести паутину, пыль, вымести из-за сундуков, шкафов сор, прибрать комнату, кухню, повесить чистенькие занавески, сменить постельное белье, сходить в баню, вычистить сени, уборную...

по-праздничному приодеться, вымыть, остричь, причесать и приодеть ребятшек-пионеров, октябрят, купить им гостинца, сводить в кино...

подготовить действительно праздничный стол—зкусный и сытный.

Надо дать возможность в Октябрьский праздник отдохнуть рабочему с семьей—поразвлекаться, не заматывать и не замучивать

его 8-часовыми демонстрациями-шествиями, часовыми скучными и поверхностно-агитационными докладами (в день праздника). Даже советизированная семья—и та больше отдыхает в церковные праздники.

Четкое, ясное и вдумчивое, глубокое и серьезное отношение к подготовительной работе, которая должна предусмотреть все вышесказанное. Создать праздничное настроение, а не шаблонный, наскучивший, часто механизированный подход к проведению Октябрьских торжеств.

Может быть, найдутся такие обывательские пошляки, которые ехидно захихикают в кулак: «Протереть-де стекла на вождах—хи-хи! Вычистить сени, уборные—ха-ха!»

Мы думаем, что подобная болтовня никого не смутит.

Октябрьские празднества должны стать празднествами не только улицы, но и домашнего быта!

И. Чичеров и В. Тараканов.

Семья и строительство социализма.

Буржуазные идеологи пытаются изобразить дело так, что семья является вечной, непреходящей организацией.

В основе семьи, утверждают они, лежат половые отношения. Эти половые отношения будут существовать до тех пор, пока будут существовать различные полы, а так как при социализме точно так же, как и при капитализме, существуют и мужчина и женщина,—то, стало быть, неизбежно и существование семьи. Это совершенно неправильно. Половые отношения, конечно, существовали, существуют и будут существовать. Однако, это отнюдь не связано с необходимостью существования семьи. Лучшие историки культуры с определенностью устанавливают, что в первобытные времена семьи не существовало.

Выяснению условий, породивших семью, Энгельс посвятил значительную часть своей работы «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Обращаясь к семье древней Греции, он заключает: «Единобрачие... явилось первой формой семьи, в основе которой лежали не естественные, а экономические условия, а именно победа частной собственности над первоначальной первобытной общественной собственностью. Господство мужа в семье и рождение детей, которые могли быть только от него и предназначались наследовать его имущество,—такова была исключительная цель «индивидуального брака», открыто признававшегося греками».

Переходя к анализу современной буржуазной семьи, Энгельс пишет:

«Современная индивидуальная семья основана на явном или замаскированном домашнем рабстве женщины, а современное общество представляет собою массу, молекулами которой являются также индивидуальные семьи. Муж в настоящее время должен быть в большинстве случаев добытчиком, кормильцем семьи, по крайней мере, у имущих классов, и это дает ему господствующее положение, для которого излишни всякие юридические привилегии.

Он в семье занимает место буржуа, жена—представляет пролетариат».

Говоря о перспективах семьи, Энгельс утверждает: «Своеобразный характер господства мужа над женой в современной семье и необходимость, а также и способ установления действительного общественного равенства обоих выступают в полном освещении только тогда, когда они юридически будут вновь уравнены в правах. Тогда обнаружится, что освобождение женщины предполагает своим первым предварительным условием возвращение всего женского пола к общественному труду и что это требует, в свою очередь, чтобы индивидуальная семья перестала быть основной хозяйственной ячейкой общества». Маркс дал картину того, как еще в условиях буржуазного общества в среде пролетариата семья начинает разлагаться, ибо женщина-работница уже втягивается в производство.

Какие же условия необходимы для того, чтобы семья окончательно сошла с общественной арены. Для этого необходимо, во-первых, уничтожение индивидуального производства и потребления, во-вторых, уничтожение связанного с индивидуальным производством и потреблением индивидуального воспитания ребенка, и, в третьих, преодоления того строя мысли, той идеологии, которые свойственны для буржуазных семейных отношений. Можно ли утверждать, что эти условия имеются в современной обстановке, в советской стране? Имеем ли мы основания полагать, что уже сейчас налицо все предпосылки уничтожения семьи? Нет, этих оснований мы не имеем.

Уничтожено ли индивидуальное производство и потребление, которые обуславливают семью, как «основную хозяйственную ячейку» буржуазного общества.

Конечно, далеко еще нет.

Правда, в советских условиях существуют еще классовые отношения и различие в общественном положении различных слоев. Поэтому вопрос о семье в настоящее время обстоит не совсем одинаково в отношении различных социальных групп советского общества. Однако, над всеми этими социальными слоями довлеют некоторые общие условия.

В нашей стране 80 проц. населения представляют мелкие частные производители, собственники-крестьяне. Каждый из этих производителей ведет свое частное хозяйство, в это хозяйство втя-

гивает свою семью; потребление носит тоже семейный характер. Говорить в таких условиях об уничтожении семьи не приходится.

С другой стороны, индивидуальное воспитание ребенка приходится попрежнему в значительнейшей мере на семью. Общественное воспитание у нас только налаживается, налицо только первые лапочки, основная же тяжесть по возвращению и воспитанию ребенка ложится на семью. Наконец, совершенно естественно в таких условиях и наличие такого строя мысли, такой идеологии, таких взглядов, таких требований, которые характерны для внутрисемейных отношений буржуазного общества.

Мы находимся сейчас в некотором переходном периоде от капитализма к социализму, когда закладываются первые кирпичи фундамента социалистического общества; пробиваются первые ростки нового общественного строя; мы только начинаем вступать на путь, ведущий нас к социализму.

В таких условиях и семья переживает некоторый переходный период. Семья уже теряет под собой почву. Вместе с тем значительные остатки досоциалистических отношений, пережитки прежнего общественного уклада, живучесть старых экономических форм—удерживают эту семью, делают ее неизбежной еще на довольно значительный промежуток времени.

Среди современной молодежи существуют два неправильных взгляда на семью. Во-первых, довольно широкое распространение имеет голое, категорическое, прикрываемое высокими принципами отрицание тех обязанностей, которые накладывает вступление в брачные отношения.

Существуют, как об этом справедливо указывалось уже в печати, среди нашей молодежи распушенность, легкомысленное отношение к женщине и последствиям брака. Женился несколько раз, наплодил ребятишек, а кт оих будет воспитывать и что будет с этими детьми впереди—на это наплевать, ибо мы «растем в будущее», ибо «мы—коммунисты, а в коммунистическом обществе нет семьи». Это—один из гнойников, своеобразный буржуазный разврат наизворот.

С другой стороны, среди некоторых кругов советской молодежи существует тяга к замыканию в мещански-организованной семье. В такого рода случаях мы имеем место с типичной старой буржуазной семьей, в которой жена является хозяйкой, занимающейся в кухне, прачечной,—словом, с головой ушедшей в домашнее хозяй-

ство, в то время как «он», «сам» является общественным работником и зарабатывает деньги.

В этом отношении между мужем и женой, между родителями и детьми уцелели многие особенности и оттенки, которые характерны для всякого порядочного буржуазного дома. Представители таких взглядов на семью стараются, в свою очередь, оправдать свой консерватизм и буржуазное отношение к женщине высокими фразами о «порядочности», необходимости «борьбы с распушенностью», реалистическим подходом к тем условиям, в которых мы живем.

Семья еще будет существовать, пока не исчезли условия, ее питающие и обуславливающие. Но та семья, которая существует в советском обществе, которая имеется в рабочей среде, которая складывается в передовом слое трудящихся,—это, по сути дела, уже не прежняя буржуазная семья. В ней есть еще вчерашнее, но проглядывает уже и завтрашнее. Да и то, что осталось от вчерашнего, уже—в новом виде, имеет уже новый смысл.

Что осталось от старой буржуазной семьи в нашей современной семье рабочего Советской России, в семье коммуниста, в семье комсомольца?

Во-первых, в ней еще имеют место, конечно, некоторые элементы хозяйственной ячейки. Сплошь и рядом для такой семьи характерно и домашнее хозяйство и роль женщины, как домашней хозяйки. Для такой семьи далее характерны и функции индивидуального воспитания ребенка. Но уже эта вторая задача носит, по существу, иной характер, чем тот, который она носила при буржуазном строе.

Семья коммуниста, комсомольца, рабочего, передового трудящегося Советской России готовит не частного хозяина, не собственника, не индивидуального производителя, а строителя социалистического общества.

Можно сказать, что коммунист, воспитывающий из своего ребенка еще более лучшего коммуниста, делает общественно-необходимое, общественно-полезное дело. В таких условиях даже частично-индивидуальное воспитание ребенка в социалистическом духе является делом общественным. Пока государство, общество в целом не смогут взять на себя эту задачу полного воспитания ребенка, до тех пор всякий сознательный гражданин должен посылно, по возможности, наиболее добросовестно выполнить это сам и, делая так, он выполнит, как мы уже указали, в известном смысле, общественную обязанность.

Но в настоящей советской семье мы имеем и некоторые элементы нового, не имевшие места прежде.

Подобно тому, как будет отмирать вместе с отмиранием классов, вместе с уничтожением классовых противоречий государство,—подобно этому, вместе с укреплением социалистического хозяйства, вместе с ростом социалистических отношений, вместе с изживанием прежних досоциалистических форм, будет отмирать и семья. Семья уже вступает на путь вставания в социалистическое общество, растворения в нем.

Во-вторых, громадный под'ем общественной самодеятельности, колоссальный революционный сдвиг, произведенный пролетарским переворотом, втянул в строительство нового общества не только мужчину, но и женщину. Для семьи передовых элементов советского общества характерно то положение, при котором общественными работниками являются и муж и жена. Это радикально меняет весь строй семейных отношений. Как правило, это не существует при капитализме; как правило, это имеет место в наших условиях.

Следует отметить далее, что успехи кооперации, развитие общественных столовых, прачечных и т. д. все это понемногу ведет к отмиранию хозяйственных функций семьи. Конечно, и индивидуальное воспитание ребенка все больше отходит на задний план перед общественным воспитанием; появление яслей, детских садов, укрепление социалистической школы, успехи такой организации, как пионерская и т. д. и т. п. бесспорно наносят смертельный удар прежней буржуазной семье.

Таким образом голо-отрицательное отношение к семье, в настоящих условиях, не имеет под собой достаточного основания. Пока еще существуют досоциалистические отношения, еще слабо государство, пока мало развиты новые общественные формы, до тех пор семья не может быть уничтожена вчистую.

Однако, задачей всякого коммуниста, комсомольца является увязка этой семьи с общесоветским укладом жизни. Надо не замыкаться в семейно-цеховых условиях, а надо расти из семейной скорлупы в новое социалистическое общество. Современная советская семья есть трамплин, с которого мы должны прыгнуть в будущее.

Все большее втягивание всей семьи в общественную организацию, все более решительное изживание элементов буржуазной семьи—вот трудная, но важная задача, которая стоит перед нами.

Ленин о вопросах пола.

Тов. Клара Цеткин в своей брошюре «О Ленине. Воспоминания и встречи» (изд. «Моск. Рабочий», 1925 г.) передает разговор с В. И. по поводу вопросов пола, имевший место осенью 1920 г. В связи с постановкой полового вопроса на страницах нашей газеты мы считаем необходимым поместить некоторые выдержки из того, что было сказано В. И. в этой беседе.

«...Хотя я меньше всего мрачный аскет, но мне, как-то называемая, «новая половая жизнь» молодежи, а часто и взрослых довольно часто кажется чисто-буржуазной, кажется разновидностью доброго буржуазного дома терпимости. Все это не имеет ничего общего со свободой любви, как мы, коммунисты, ее понимаем. Вы, конечно, знаете знаменитую теорию о том, что в коммунистическом обществе удовлетворить половые стремления и любовную потребность так же просто и незначительно, как выпить стакан воды. От этой теории «стакана воды» наша молодежь взбесилась. Она стала злым роком многих юношей и девушек. Приверженцы ее утверждают, что теория эта марксистская. Спасибо за такой марксизм!

«...Я считаю знаменитую теорию «стакана воды» совершенно немарксистской и сверх того противообщественной. В половой жизни проявляется не только данное природой, но и принесенное культурой, будь оно возвышенно или низко. Энгельс в «Происхождении семьи» указал на то, как важно, чтобы половая любовь развивалась и уточнилась.

«...Не то, чтобы я своей критикой хотел проповедывать аскетизм. Мне это и в голову не приходит. Коммунизм должен нести с собой не аскетизм, а жизнерадостность и бодрость, вызванную также и полнотой любовной жизни. Однако, по моему мнению, часто наблюдаемый сейчас избыток половой жизни не приносит с собой жизнерадостности и бодрости, а, наоборот, уменьшает их. Во времена революции это скверно, совсем скверно!

«...Молодежи особенно нужны жизнерадостность и бодрость. Здоровый спорт, гимнастика, плавание, экскурсии, физические упраж-

нения всякого рода, разносторонность духовных интересов, учение, разбор, исследование, и все это, по возможности, совместно. Все это дает молодежи больше, чем вечные доклады и дискуссии по вопросам пола и, так-называемого, использования жизни. В здоровом теле—здоровый дух! Ни монах, ни Дон-Жуан, но и не германский филистер, как нечто среднее. Вы ведь знаете молодого товарища ХЗУ. Прекрасный высокоодаренный юноша. Боюсь, что, несмотря на все, из него ничего путного не выйдет. Он мечется из одной любовной истории в другую. Это не годится ни для политической борьбы, ни для революции. Я не поручусь также за надежность и стойкость в борьбе тех женщин, у которых личный роман переплетается с политикой, и за мужчин, которые бегают за всякой юбкой и дают себя опутать каждой молодой бабенке. Нет, нет, это не вяжется с революцией...

«...Революция требует сосредоточения, напряжения сил от масс, от личности. Она не терпит оргиастических состояний в роде тех, которые обычны для декадентских героев и героинь Д'Аннунцио. Несдержанность в половой жизни буржуазна: она—признак разложения. Пролетариат—восходящий класс. Он не нуждается в опьянении, которое оглушало бы его или возбуждало. Ему не нужно ни опьянения половой несдержанностью, ни опьянения алкоголем. Он не смеет и не хочет забыть о гнусности, грязи и варварстве капитализма. Он черпает сильнейшие побуждения к борьбе в положении своего класса, в коммунистическом идеале. Ему нужны ясность, ясность и еще раз ясность. Поэтому, повторяю, не должно быть никакой слабости, никакого расточения и уничтожения сил. Самообладание, самодисциплина—не рабство; они необходимы и в любви».

Молодежь и любовь.

В первые годы революции, из вполне понятного протеста против всего буржуазного, шла борьба не на живот, а на смерть со всеми формами быта, которые сколько-нибудь напоминали ненавистное прошлое. Вполне естественно, что комсомольцы в первую голову объявили войну семейному укладу, поповской морали и всякой другой буржуазной чертовщине. К тому же забота о детях, казалось, раз навсегда спала с плеч обоих участников любви и целиком перешла в руки государства, да и аборт, который только что вышел из подполья, казалось, легко и просто разрешает для женщины вопросы, связанные с нежеланной беременностью. В чем дело? Старый быт трещал по всем швам... а новый? Да разве он не нес с собою полного разрушения всяческой семьи? Разве он не сдавал семью, как буржуазную форму быта, в архив вместе со всем прочим хламом, оставшимся от буржуазного строя?

Так легко и просто разрешался молодежи вопрос о семье и половой любви. Теперь нам совершенно ясно, что такое упрощенное решение вопроса, вполне законное для того времени, сейчас является не чем иным, как некоторой своеобразной разновидностью мелкобуржуазного нигилизма.

Буржуазный подход к вопросам, так-наз., «личной жизни», индивидуализм в быте, жизнь в свое удовольствие не могут не отразиться на всем облике революционера-ленинца, как борца и строителя.

Конечно, дело не в поповской морали и мещанской добродетели, но разве беспорядочная половая жизнь (кто бы ее ни вел: он или она—все равно), пренебрежение к интересам имеющего родиться ребенка, распушенность, отношение к женщине, как к самке и орудию наслаждения,—разве все это является противоположностью поповской морали и мещанской добродетели?

Присмотримся к жизни деревенской молодежи. В вопросах половых взаимоотношений здесь все примитивно до последней степени. Отношение к девушке, с которой «гуляет» парень (женат он или нет—это безразлично), в высокой степени простое. Для чего же она и существует, коли не для того, чтобы гулять с нею,—так по-

лагает парнишка. А она? Частенько тот же паренек ее упрекает в разговоре с товарищами в том, что она проявляет инициативу в вопросах любви. Допустим, что он прав. Гулять, да еще при луне, дело, конечно, не скучное, а вот расплачиваться за прогулки—тут в затылке-то почешешь да почешешь! Знаете ли, как до сих пор еще смотрят в деревне на беременную девушку? Слыхали ли вы, что в некоторых местах нашего Союза детские трупки в лесу продолжают быть бытовым явлением? Правда, есть аборт, но он не всегда является выходом из создавшегося положения. «Вот тебе пятерка,—говорит деревенский паренек девушке,—сходи к бабке, пусть она тебе аборт сделает». Бабка ни за понюшку табаку отправляет девушку к праотцам или оставляет ее калеккой на всю жизнь. Аборт в большинстве случаев вредно отзывается на организме женщины, особенно тогда, когда он производится у первородящей. Но если он прошел удачно, тогда все шансы к тому, чтобы повторять его чуть-чуть что не из месяца в месяц. (Это равно относится и к городу и к деревне). Приходилось видеть молодых женщин, имевших по 4—5 аборт в год. К 24—25 годам такие женщины превращаются в старух.

Бывает еще в деревне и так, что парни дерутся из-за обладания женщиной. Точь в точь, как петухи, или средне-вековые рыцари. Недалеко ходить за примером: в одном из уездов Московской губ. не так давно было нанесено несколько ран ножом в спину парню, который ухаживал за девушкой из чужой деревни. Женщины, видите ли, являются собственностью парней одной с ними деревни.

А наши деревенские комсомольцы? В большинстве случаев быт их мало чем отличается от быта всей деревенской молодежи. Быт косный. Если политически деревенские комсомольцы развитее беспартийной деревенской молодежи, то в бытовом отношении им предстоит еще целая революция. Конечно, есть исключения, но они единичны.

Деревня отстала от города. Наша рабочая молодежь живет в другой среде, и, конечно, быт деревни им до известной степени чужд, но и ей есть о чем подумать и подумать.

Примитивно подходит и рабочая молодежь к вопросам удовлетворения своего полового инстинкта. «Это заложено во мне природой. Я должен удовлетворять свой инстинкт». Так рассуждает парень, стихийно отдаваясь «велению природы». В большинстве случаев такой паренек вступает очень рано в брак, совершенно не считаясь с тем, что окончательное формирование половой системы, а также рост и укрепление организма у мужчины продолжается

приблизительно до 23—24 лет, а у женщины—до 20—21 года. От таких ранних браков рождаются хилые дети, а на отца и мать преждевременно ложится вся трудность воспитания молодого поколения. Мать, носящая и рождающая ребенка, не достигнув зрелости своего организма, рано старится, болеет женскими болезнями, роды у такой женщины бывают трудные. Мужчина, слишком рано начавший половую жизнь, до полной зрелости организма, не достигает уже того уровня умственного развития, которого он мог бы достигнуть при других условиях. Заботы о семье также преждевременно старят парня и девушку, слишком рано вступивших в брак. Трудная жизнь в конечном счете приводит парня к «горькой», а там начинается не жизнь, а каторга для всей семьи. Нередки случаи, когда совсем еще юный паренек из удачества, желая попасть в разряд взрослых, показать, что он не «какая-нибудь девчонка», выпив для храбрости с компанией подобных себе, впервые отправляется к проституткам и легкомысленно кладет начало позорной странице своей жизни.

У плохо разбирающейся в вопросах половой жизни молодежи складывается частенько убеждение, что удовлетворение половой потребности с самого юного возраста совершенно необходимо для организма так же, как, например, удовлетворение потребности в пище. Это совершенно неверно.

Пролетарии-комсомольцы—передовая часть рабочей молодежи, наиболее сознательная и активная. Они, а не кто другой, вырабатывают те новые формы быта, которые дадут толчок к изменению быта широких слоев рабоче-крестьянской молодежи. К сожалению, в быту у комсомольцев все еще осталось много нигилизма, «барского анархизма», по выражению тов. Ленина, употребленному им по другому поводу. «Нам не до того, чтобы обзаводиться семьей, мы слишком заняты», говорят некоторые комсомольцы-активисты. «Усталость, пережитое за время революции перенапряжение сил преждевременно сделали нас зрелыми. Для нас неприменимы обычные возрастные рамки и всяческие нормы». «Как я могу,—говорит иной из них,—заключить длительный союз с девчонкой, когда она через некоторое время может оказаться мещанкой». Все это будто бы является оправданием для легких взаимоотношений: сегодня—с одной, завтра—с другой.

Страдающим лицом является девушка. Правда, ее частенько упрекают в том, что, получив революционную закалку, она по складу своей жизни далека от той «наивной мещаночки», которая рисуется моему воображению и которая не испытывает стремления с самого

юного возраста к половой жизни. Пусть так. И все же страдает она. Аборты и его тяжелые последствия для женского организма, женские болезни, наконец, ношение ребенка, кормление, роды в слишком юном возрасте, отход от работы по семейным обстоятельствам—кто страдает от всего этого, как не девушка? На вопрос: вы пользовались когда-нибудь проституцией, один комсомолец ответил мне: «Нет, мне это ни к чему, потому что при желании я мог бы обладать всеми комсомолками, которых знаю». Парень развитой, талантливый, революционер. Весьма возможно, что некоторым «успехом» он пользуется в широкой среде комсомолок, ну, а остальное, конечно, вырисовывает его воображение. Не в этом дело. Интереснее следующий рассказ того же комсомольца о том, как он сходится с комсомолками. Вот очередной случай его жизни: «После доклада одна комсомолка вместе с другими товарищами подошла ко мне. Я ее видел в первый раз. Мы стали говорить на тему моего доклада. Потом все понемногу разошлись, и мы остались с нею одни. Она проводила меня до квартиры и осталась у меня до утра.—Ну, а последствия?—Я встретил ее случайно несколько месяцев спустя. К счастью, она не забеременела».

Я привожу этот рассказ потому, что он напоминает десятки других рассказов в этой области. «Когда парень идет с девушкой в театр и они вместе возвращаются домой—это, конечно, в 99 случаях из 100 может кончиться ребенком», сказал мне как-то один из участников диспута по вопросу о любви.

Вот такое отношение к вопросам пола я и называю готтентотским, т.-е. свойственным дикарям, стоящим на низшей ступени культуры. Дело, конечно, идет не об аскетизме, т.-е. о полном половом воздержании на всю жизнь. Аскетизм—монашеская мораль, конечно, ничего не имеет общего с моралью полного сил, молодого, поднимающегося класса. Но и половая распущенность, которой предаются вырождающиеся сынки отживающих классов в буржуазных странах, далека от пролетарской морали. Изнеженные, перепитанные с детства, не имеющие никаких сдерживающих начал, живущие в свое лучшее удовольствие буржуазные отпрыски и область половой жизни рассматривают, как от бога данную им лишнюю возможность удовлетворять свои аппетиты. Брак в буржуазном обществе является лишь одним из звеньев во всей системе отношений, покоящихся на частной собственности. Жена буржуа—такая же частичка его собственности, как висающая на стенах его гостиной картина в золоченой раме и проч. и т. п. Дети—тоже его собственность, их назначение—продолжать его род и быть наследниками его имуще-

ства. Любовь буржуа к жене и детям, даже если таковая имеется, получает особый оттенок любви к вещи, приносящей определенную выгоду. Такая любовь совсем не исключает возможности искать новых и новых предметов наслаждений, видоизменять их, превращая свое чувство к женщине в игру блуждающих огней, вспышек и играющих всеми цветами радуги на гниющем болоте.

Наша экономика диктует нам в условиях переходного времени необходимость устойчивой семьи, но это отнюдь не означает, что та семейная единица, которая ей соответствует, должна быть хоть сколько-нибудь похожа на буржуазную семью. Не узко-эгоистические интересы собственника являются цементом для нашей семьи, а интересы всего коллектива в целом, маленькой частицей которого она является. Менее одного процента детей может государство пока-что взять на свое иждивение. Слишком туго, благодаря нашей бедности, мы переходим к общественному воспитанию детей. Сложный процесс, глубокое сознание своей ответственности, а не минутное увлечение должны при этих условиях сопутствовать любви двоих, от которой «возникает третья, новая жизнь». Менее всего здесь подходит старое буржуазное отношение к женщине, как к орудию наслаждения, а не как к человеку, другу, товарищу по классу и революционной борьбе.

Рабочая и крестьянская молодежь нашего революционного времени является участницей величайших событий, которые когда-либо знала история. Она достроит социализм в пределах своей страны, она участвует в мировой пролетарской революции. Пролетарской молодежи нужны силы, здоровье, выдержка и стойкость. Нет ни одного жизненного вопроса, от которого пролетарская молодежь имела бы право отмахнуться, в том числе и от вопроса пола.

В вопросе половых взаимоотношений должна быть также внесена ясность классового подхода. Буржуазии и ее разложившимся сынкам мы предоставим затушевывать эти вопросы, лицемерить, предаваться половой распущенности. Наша пролетарская молодежь в основу всего своего поведения кладет интересы революции и социалистического строительства. Не распущенность, в какой бы области она ни проявилась, а организованность и внесение пролетарской сознательности не только в общественной жизни, но и в повседневной жизни,—вот что диктуют нам интересы переживаемого нами времени.

С. Смидович.

Письмо о новом быте.

Я по ушам узнал его как раз.

А. Пушкин.

«Товарищи, Октябрьская революция, которая уничтожила гнет, который использовала в своих интересах капиталистическая и помещичья кучка, которая одурманивала рабочих и крестьян, создала базу для внедрения нового быта.

Я думаю, что мы во весь рост должны поставить тот вопрос, чтобы твердо и бесповоротно взять курс на изживание следующих явлений, каковые достались нам в наследство от рабского прошлого, когда царизм высасывал кровь.

1. Вопрос о рукопожатиях. Необходимость борьбы с этим позорным явлением прошлого ясна для каждого молодого сознательного ленинца. Мы ставим этот вопрос в плоскости:

а) антисанитарии данного акта, как источника заразы. На руках могут находиться зародыши заразных болезней, как-то: туберкулеза, ангины, крупозного воспаления легких, венерических болезней и т. д;

б) строительства нового быта. Постольку, поскольку рукопожатие является преступной выдумкой попов и буржуев, которым было выгодно заражать забитых рабочих и крестьян, мы с презрением должны откинуть этот метод.

2. О галстуках. Это есть не более не менее, как отрывок прошлого. На вопрос о том, зачем ты носишь галстук, тот или иной бессознательный комсомолец со своей стороны базируется на том, что это охорашивает и что в крайнем случае это не так плохо, потому что галстуки носили многие вожди рабочего класса.

Но я говорю—это есть карьеризм со стороны рядовых членов—когда они лезут в вожди. Они, как таковые, должны открывать шею солнцу, а не ходить, как собачка в ошейнике.

С этим тесно связан женский вопрос, к которому я и перехожу.

3. Об одежде комсомолок. Некоторые комсомолки стремятся одевать свое тело покрасивее, вешать на шею там разные бантики, шарфики, а на ноги стремятся надевать не сапоги, какие носит наш брат, а даже полуботинки на высоких каблуках. Спешивается, к чему вышеуказанные декорации, как говорит одна особа в лице женорганизатора, которая однажды указала нашим девчатам:

— Вы не мешанитесь... Тоже нарядились, а вот загнийте подолы и вымойте пол в клубе. Тогда будете настоящими строителями светлого будущего.

4. Вопрос о любви. В этом пункте мы имеем влияние на некоторых членов союза разных стихов и другого хлама, которые сочинялись поэтами и прочими бумагомарателями о том, что любовь есть украшение личной жизни, а не голое размножение, что она должна быть как яркий букет хороших цветов и прочая там плешь. Между тем, любви нет, а есть физиологическое явление природы, и телячьи нежности тут не при чем.

5. О мальчишестве. Это тоже необходимо изжить. Например, прихожу в центральный клуб и начинаю говорить о регулировании клубной работы, каковая должна стать на рельсы систематической и планомерной обработки путем лекций, докладов, политфантов и других живых форм работы. Во время моего доклада слышался недостойный комсомольца храп, а после, когда я кончил, какой-то товарищ начал время от времени издавать своими губами свист, а за ним последовали и другие.

Я считаю такие явления мальчишеством, здесь нет увязки с пролетарской моралью. Какие же это строители коммунизма, какая же это смена старой гвардии, когда они свистят и балуются в клубе? Клуб—это кузница пролетарской культуры. Раз они сейчас свистят, то что же будет дальше? Я твердо уверен, что они станут в конце концов в лагерь меньшевиков и эсеров.

6. Наконец, о танцах. Уже урегулирован вопрос о танцах, доказан их вред, но мы видим, как некоторые элементы еще продолжают вертеть ногами. Это недопустимое явление способствует, с одной стороны, поднятию пыли в клубах, а, с другой, ведет к мешанской психологии и отрыву от масс.

Я думаю, что трудящиеся массы, не из-за того взяли власть в свои руки, чтобы пускаться в пляс и в прочие другие мелкобуржуазные выходки.

Надо таких комсомольцев за ушко, да на солнышко. Сорную траву из поля вон. Скатертью им дорожка».

* * *

Я не буду показывать читателю авторов этого письма. Пусть он найдет их в кругу своих товарищей. Мне лишь хочется в заключение вспомнить старика Салтыкова-Щедрина. Описывает он забавную историю. Сидят они однажды веселой компанией и видят порожние казенные штаны идут.

Да, да, читатель, штаны идут, а человека-то в них нет. Пропал человек и сам того не заметил, что вместо него одни казенные штаны ходят.

Испугались даже, а потом грустно сделалось.

И не удивительно, ведь, это, посудите сами, чорт знает что такое.

...Очень хорошо вспоминается эта картинка, когда читаешь подобные строки.

Вл. Кузьмин.

Молодые старики.

(Из записной книжки корреспондента).

Тяжел день на поле в страдную пору, особенно когда год урожайный. Наматываются руки, накачаются спины мужицкие, а к вечеру поясница ломит. А в нынешнем году урожай замечательный, плодovitый.

Улеглась на покой деревня Холопово, завтра с солнцем поднимется. Не спят лишь те, у кого в избытке силы—молодежь.

С конца деревни неслись горловые девичьи песни, неразборчивые, бестолковые частушки. Сидели мы на бревнах с Николаем Карцевым, комсомольцем, и беседовали. И неслись эти песни веселым задором деревенской удалости, молодой неистраченной силы. Слушая их, хотелось самому подтянуть.

Но Николай сидел, насупившись.

— С этим у нас борьба ведется,—ткнул он пальцем в пространство.

— С чем?

— С песнями... С ребятами скорей можно сговориться—перестали горланить, а с девками никак невозможно... Нарочно, нагло поют. Танцуют, прыгают, бесятся, точно на свадьбе—стыдно смотреть...

— Почему же стыдно?—Пусть прыгают и веселятся. Что же тут плохого?

Николай недоуменно посмотрел на меня, помолчал немного и спросил:

— Ты, товарищ, кажется, беспартийный?..

— Из чего ты заключаешь?

— За старые предрассудки держишься.

— Разве песни и веселье предрассудки?

— А по-твоему тогда выходит, всякий комсомолец может и за девками ухаживать?

— Конечно, может.

— И всякие любовные слова говорить?

— Безусловно может. Но только какие слова—слов много.

Николай презрительно скривил губы, стал стыдить меня за распушенность и не-марксистские взгляды на женщину. По его понятию, комсомолец должен быть серьезным, деловым, все танцульки и всякие ухаживания презирать, песни петь только революционные, уединившихся парочек разгонять, посиделок в деревне не допускать, «беспартийных» ребят собирать только для бесед, а не для веселья, в противном случае упрямец-весельчаков протаскивать в газеты, как мешающих комсомольской работе.

— По заветам Ильича молодежь должна учиться, а не прыгать и распевать песни,—закончил свои умозаключения Николай Карцев.

— Где же это ты вычитал?

— Не думай, товарищ, что я ничего не читаю, я с каждой почтой газеты читаю... Да-а-а и в уюме нам это раз'ясняли,—обиделся великовозрастный Николай Карцев.

До чего бы дошла наша беседа, неизвестно, но к бревнам подошла девушка, которая рекомендовалась секретарем Крутецкой ячейки РЛКСМ—Катей, и тоже Карцевой, очевидно, приходящейся родственницей Николаю. Николай встал и зашагал тяжелой походкой на край села.

Вот что рассказал секретарь о комсомольской работе Крутецкой ячейки.

Крутецкая ячейка охватывает шесть деревень: Ведево, Крутец, Сорокино, Новинки, Снопово и Холопово. Все эти деревни друг от друга на версту. В Крутеце находится изба-читальня, там же и ячейка, в которой насчитывается 27 членов. На все лето изба-читальня запирается на замок, а с ней и вся работа комсомола. Газет изба-читальня не выписывает—средств нет, находящиеся при избе 500 брошюр старых изданий изорваны, а новых книг по сельскому хозяйству нет. У ячейки имеется шеф—уездная совпартишкола, который летом приезжал и проводил беседы на политические темы среди молодежи.

Вот это и есть вся просветительная работа за лето.

На вопрос—чем занимаются комсомольцы в воскресенье и свободное от работы время по вечерам,—секретарь храбро ответила:

— Политбеседы проводим.

— С кем?

— С беспартийными... Да вот сейчас сами увидите... Идемте туда...—предложила она, поднимаясь с бревен.

На краю деревни песни смолкли, лишь какая-то собаченка за огородами выла жалобно, нудно, точно ей хвост обрезали.

За тнилой часовней, на камнях, сидели тени и о чем-то беседовали, поодаль, в стороне, несколько девушек вели свой разговор:

— Все собаки на покойника воют...

— Бывает и на пожар...

— Когда наша бабушка помирала, тоже были,—подтвердила третья.

С камней замогильным голосом кто-то пояснял:

— «...буржуазия всех странов хочет закрепощения всему трудящему миру, а мы не допускаем до этого, вот от этого и получается политика на нас... Акромья и попы, которые за леригиозные понятия, идут тоже супротив пролетария и выходит надо объединение соединить против всех буржуев».

Слушатели шептались, хихикали, толкались локтями, а те, что стояли поодаль, неожиданно сорвались и загорланили.

Ох... по дороге колокольцы,

Словно сердце прыгает...

Ах... не влюбляйся в комсомольца,
скукою измызгает.

Это было как бы сигналом; беседа прервалась, все повскакали и тоже тронулись за поющими.

— Ребята славные, сурьезные, врать нечево—старик уавсегда место на собрании уступают и против бога озорства не делают, не дразнятся, как в других деревнях, гневаться не начево, хорошие ребята,—расхваливал комсомольцев один холоповский старик.

Но неорганизованная молодежь другого мнения о комсомольце.

— Терпеньев нету:—песни воспрещают петь, танцевать нельзя, того нельзя, этого нельзя... слухай, чего они говорят, а мы слушаем и не понимаем... Што мы монахи—какие.

Не даром и песню ядовитую сложили девки про комсомольцев. Очень уж деревенские комсомольцы стали «серьезными». Воображают себя стариками, знающими, выдумывают новые заветы Ильича и понимающими, почему буржуазия хочет «задавить трудящийся мир».

А избу-читальню не открывают и подхода никакого к молодежи нет.

Л. Чашарин.

О Ленке, ее ребенке, любви и новом свете.

Дни продвигались выше и выше с весны к лету, а каждый день Ленка, лишь четко загудит звонок по мастерской—о четырех часах (о конце работы)—вперед всех выскакивала на улицу. Бежала по улице, травой возмoxнатившейся, вдоль домов, серыми комочками сжавшимися в одиночку середь беззаборья, из-под ног куры прыгали, досадливо кричал петух. Спешила—дома Петька годовалый, голодный дожидается.

Шла. Бороздила пыль сандалями.

Взбежала на крыльцо, рванула дверь, скрылась. Через полчаса Петька мирно дремал на постели, губами чмокая, точно о материнском молоке, о круглой груди с синими жилками вспоминая; а уж примус огнем шумел, обед варился... Ленка села за доклад, нынче ячеекxое собрание, нынче ее доклад—первый на повестке. Упрямо читала о четвертой конференции РЛКСМ:—«так полоса развития, которуи мы все констатируем, полоса развития социалистического...»

Петька уныло посапывал во сне, солнечные зайчики танцуют на его рожнице, комната ведь в три аршина ширины, настолько же длины,—вот и морщится годовалый.

Газета свалилась на пол. Ленка переложила Петьку. Вгляделась, заморозила взгляд на сыне и изнутри стал вывертываться словно груз какой. Боль почти физическая от воспоминаний. Жарко. Душно. Ленка в окно лбом втирается—все душно, окно распахнула—все душно, рванула ворот—все душно, больно. Из памяти, из боли неудержной, выщемился лес, тяжелыми всплесками, хмелем, песней весенней напоенной.

Она, Ленка, с Шуркой с ребятами. Весело. Шум. Гомон. Смех. И от того весело, что и Шурка и солнце—оба вот здесь, рядом, и оба звонко, задорно плещутся смехом.

Потом клуб, ячейка, работа всюду вместе.

И еще.

Перезвоны звезд. Ночь, синяя как море. Шурка. Поцелуй горячие. Дурные. Сначала—забилась под ними, убежать хотела, внезапно вся покорилась, черная прядь скорбно на щеку упала, сердце крепко дробь выстукивало.

— Люблю, люблю. И ты. И ты?

Шурка взволнованно смеялся в ответ в синь ночи:

— Ну, да, Ленка моя. Хорошая моя. Идем ко мне. Нет... Что за буржуазные предрассудки. Ведь я люблю тебя. И ты меня. Идем. Ну?

И у себя в комнате обнял ее плечи, прижался губами к ее губам, и тогда она опрокинулась навзничь, вспугнув ночь тоскливым вскриком.

И от этого—огонь испуганно мегнул в лампе и погас...

Дальше... Обыкновенная история. Всю излюбил, выласкал. И, затем, неизбежная другая.

А у нее—одиночество и ребенок остались.

* * *

В клубе собрание еще не начиналось. По залу, комками разноголосыми перерыву, ребята, девчата носятся, гуторят, песнь льют, хохотом искрятся, заглушают хоркружок, что из-за пианино густо фальшивящего и руководителя «кандальным звоном» воздух разрывает.

Ленка—в клубе, вздыхает облегченно, радостно; к докладу подготовилась, стало легко, старая гарь уж вылезла, Ленка вся вымолодилась.

Да, а на повестке выпячиваются нынче вопросы горячие: первый ее, Ленки, о четвертой конференции, второй—о половом вопросе, новом быте, задачах молодежи, любви, всего и в голове не уложишь, а все важно, не даром у многих в глазах, в говорах тревога, интерес напряжились: кто говорить об этом будет, и что скажет. Докладчик еще неизвестен. Может, из губкома. А то и из Цека.

Ленка через толпу напрямки на сцену—и там звонко и сочно, и там узнать можно, кто же докладывать-то будет.

На сцене—в крике, в речи, в поту человеческого, Шурка Лаптев, ее Шурка, показывал ребятам тезисы о новом быте, о любви.

Кое-кто ржали, хлопали его по плечу, он был большой спец в любви, еще вчера Лелька ему оплеуху закатали: приставать стал, обнял было, целоваться полез. Ребята гоготали, говорили—«теперь забудешь, как ты под руку ходить, не то, что целоваться, коли сам докладывать о недопустимости этого будешь...» Он смеялся—«нынче с Лелькой пойду, хоть и в рожу дала». Ребята снова гоготали, советовали пожить с Лелькой, как с Ленкой,—то хорошая иллюстрация к его докладу. Шурка, хохоча, соглашался, но все уж увидели Ленку, ребята перевились молчанием, смех надломился, в глазах перелез. там вскидывался ярче,—обидно и гадко.

И в Ленку опять прежнее воспоминание вломилось. Всю вновь стародавней болью просверлило. И злоба в голове выпячивалась, нарастала. Как, как смеет он?

* * *

Ленка докладывала, сквозь укусы губ растреснувших, перебивалась от слова к слову, двигалась, глотала резолюции, решения, а под платком, под гривой, под покрывшей было все то же, и кроме—было пусто, оцепенело, больно: ему ли говорить о новом быте, ему ли...

Переключалась к решенному—четвертая конференция и доклад, и прения, и заключительное слово.

Вопрос второй.

— Слово для доклада о половом вопросе и новом быте тов. Лаптеву.

Села Ленка. А на сцене уж Шурка новым бытом, любовью, детьми, мещанством, как водой сквозь пульверизатор, легко брызжется, ребят, девчат корит и тем и этим, и что к половому вопросу отношение легкое, и что парень поживет с девкой месяц—два и бросит, ребенок останется, отцу и горя мало; это преступно, так ленинцы не должны поступать, и что ребята любят девчат лаять—это не выдержанно, пахнет мещаниной, комсомольский билет в кармане не для удовольствия лежит, в девушке в первую голову видеть надо не «женщину», а товарища «комсомолку», поэтому вопрос назрел, предлагать ждать с его разрешением постепенно значит не считаться с жизнью, нет, теперь необходимы срочные меры, и много еще что говорил—и было такое—красиво выходило, ровно сам он пример во всем. Так и тянулся доклад, тянулся.

А мысль Ленки сбивчиво рвется одна за другой, сменяясь очередно, и все они тягучие, тяжелые, вперед как в горячке, как в бреду заносятся, голову жмут, на части ломают и в слова просятся. И мочи нет, вылились наружу мысли тяжело и нетерпеливо с надрывом.

— Ты, ты смеешь говорить это, сволочь этакая. Жизнь, ведь, небось не мне одной испортил, шептун ласковый. В ячейке на собраниях о любви свободной, о новом быте, о мещанстве нашем разговоры водите, мелким бесом рассыпаетесь, а исподтишка сами до женского мяса охотники великие... Вокруг нас, что шмели возле меда кружитесь, все сорвать норовите. Подлипалы.

Хрустели слова—вязли без толку в собрании разопревшем.

— А коли не отдастся, то ты, Шурка, первый заорешь сразу—мещанка, дескать буржуазными предрассудками полна... Грош вам цена. Чорт бы вас всех остальных вбирал в очки происшедшее, потом решительно боднул Ленку стеклышками на переносье своим, вытянул из себя ответ небрежно досадливо.

— Товарищ Лесова, делаю предупреждение. Стыдно. Не умеешь вести себя на собрании. А пора бы научиться, комсомолка ты старая. Так что в следующий раз попрошу удалиться.

Нет слов у Ленки. Не стало. Уплыли куда-то. А глаза черные, смолой залитые, гневом вскипели, выплюнули взглядом горечь на председателя, прорезали насквозь, засаднило, закололо в Ленке, слова председателины в крепкую живую обиду вбивались—не понимает, не признает изболевшего, а может и он, как Шурка, такой же... В мозги Ленкины от горя густо сбитые в клубок и к горлу подступающие втоптались больно слова председателины. Не понимает. Не хочет понять. Встала. Ничего не сказала. Вышла.

А на улице, как подстреленная метнулась, хрустом каблук Ленкины рассыпались по камням, по тротуару земляному, мчалась, словно от председателиной, от Шуркиной погони, бежала, спотыкаясь, локти к бокам прижимая, задыхаясь. Только в сонной заводи своего двора, в глубине прислонилась к двери.

И тут в ночи всплыло решающее:

— Надо писать, писать обо всем, всем. Но куда, куда?

И осмыслилось:

— В газету. В нашу газету. Есть же она.

Писала, ночь густо лезла через окно в комнату, кутала лампу, углы, Петьку, Ленку, в голове горело, мутилось, было горько, мучительно. Мелко усыпалась бумага из-под пера упрямыми неровными словами и в них—на боли неизживаемой, неумной, на горении, на любви, на детях, на новом быте—в них говорила Ленка со всей комсомолией, говорила вгрызшимися, нужными словами, слагала их, строила нервно и сердечно.

Яков Авербах.

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
А. Слепков.—Предисловие	3
Н. Бухарин.—За упорядочение быта молодежи	6
А. Сосновский.—О культуре и мещанстве	10
Ем. Ярославский.—О борьбе с пьянством	18
Влад. Слепков.—«Не о единой политике жив комсомолец»	23
Владимир Кузьмин.—О «молодой старости», аскетизме и казенщине.	28
Виктор Кин.—О типе комсомольца	40
Ю. Юзовский.—Комсомол за гармошку	43
Влад. Слепков.—Комсомольский «жаргон» и комсомольские «обычаи».	46
И. Широ и В. Тараканов.—«Октябрьский пирог»	49
А. С.—Семья и строительство социализма	53
Ленин.—О вопросах пола	58
С. Смидович.—Молодежь и любовь	60
Вл. Кузьмин.—Письмо о новом быте	65
Л. Чашерин.—Молодые старики	68
Яков Авербах.—О Ленке, ее ребенке, любви и новом свете	71

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

В ТЕКСТЕ:

Стр. 34, строка 16 снизу напечатано:

Между тем в комнате.

Следует читать:

Между тем в комитете.

Стр. 34, строка 15 снизу напечатано: е ж.

Следует читать: же.

Стр. 39, последний абзац напечатано:

Эти примеры, понятно, — живое доказательство того, что если и грозят нам опасности по линии отрыва от масс, так именно потому, что в связи с хозяйственными успехами и т. д.

Следует читать:

Эти примеры, понятно. — живое доказательство того, что если и грозят нам опасности по линии отрыва от масс, так именно потому, что мы недостаточно усвоили, что в связи с хозяйственными успехами и т. д.

Стр. 71, заголовок статьи следует читать:

О Ленке, ее ребенке, любви и новом быте.

В СОДЕРЖАНИИ:

Напечатано:

И. Широв и В. Тараканов.

Следует читать:

И. Чичеров и В. Тараканов.

Напечатано:

О Ленке, ее ребенке, любви и новом свете.

Следует читать:

О Ленке, ее ребенке, любви и новом быте.
